

ПЕРВЫЕ ПРОФЕССОРА АКАДЕМИИ

Что бы мы ни говорили о недостатках и неудачах Петровской академии в подготовке специалистов сельского хозяйства на первом этапе деятельности, несомненным остается то большое значение, которое она сразу же обрела как мощный научный центр по целому ряду фундаментальных и прикладных (специальных) направлений. Объясняется это, во-первых, целой плеядой блистательных ученых, оказавшихся в Академии с начала ее деятельности, и во-вторых, чрезвычайной требовательностью ученых к себе, их гражданским порывом служить науке, атмосферой высокой духовности, воцарившейся в стенах Петровки. Все это очень скоро сложилось в традиции, которые и сделали Академию прародителем высокоавторитетных научно-педагогических школ по многим направлениям аграрной науки, снискавших признание в России и за рубежом и прославивших Академию на весь мир.

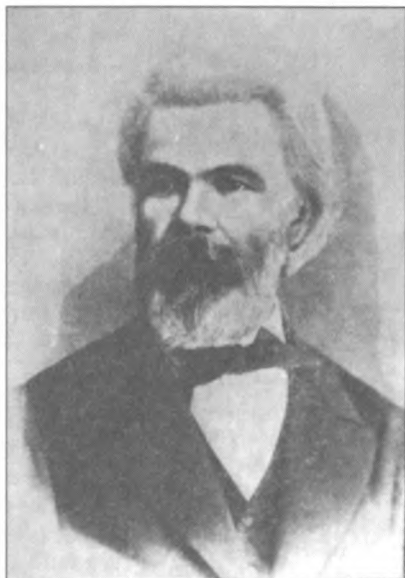
Мы вкратце расскажем о своих первых профессорах академии, хотя объем информации о каждом из них дадим не одинаковый, что естественно, и объясняется различной степенью участия каждого в научной и педагогической деятельности академии, их положением и авторитетом в российской и мировой науке, и наличием материалов о них.

В предлагаемый краткий обзор включены только те ученые, которые занимали преподавательские должности с первых дней работы Академии. Одни из них пришли за несколько лет до начала учебного процесса и приняли активное участие в подготовке учебного заведения к приему студентов, оснащении лабораторий и аудиторий всем необходимым для начала занятий. Другие были зачислены в штат Академии накануне ее открытия.

О пришедших позже, даже внесших выдающийся вклад в ее становление и в формирование престижа, разговор будет в следующей книге.

Павел Антонович Ильенков (1821-1877) получил образование в Санкт-Петербургском университете, где прошел курс математических и реальных наук. Обширные познания он приобрел за границей, прежде всего, в Германии, слушая лекции знаменитых профессоров Дове, Магнуса, Митчерлиха, Густава, Розе. Побывал на многих передовых в техническом отношении предприятиях Пруссии, Саксонии, Австрии. Работал в химических лабораториях немецких ученых Гейнца и Либиха.

Отношения с Либихом переросли в тесное сотрудничество и дружбу. Павел Антонович стал последователем великого немецкого ученого, пропагандистом многих его идей и подходов в химической науке.

П. А. Ильенков

Кроме Германии, Ильенков четыре месяца работал во Франции, где общался с ведущими учеными-химиками и технологами, слушал их лекции, знакомился с производством на заводах, занимался в Парижской библиотеке.

С 1845 г. — адъютант, а потом экстраординарный профессор кафедры химической технологии Санкт-Петербургского университета.

Уже в 30-летнем возрасте Ильенков стал ведущим ученым России в своей специальности. Особенно вырос его авторитет после издания в 1851 г. двухтомного «Курса химической технологии». Этой работой ученый способствовал развитию в России хими-

ческой промышленности и подготовке специалистов по химии и агрономии. В книге были сосредоточены описания наиболее распространенных технологий химического, металлургического, топливного, пищевого, гальванотехнического и других производств. Труд Ильенкова считался лучшим в ряду книг подобного рода по полноте сведений и добротности изложения.

«Следует ... отметить, что в 1851 г. химик-технолог, впоследствии профессор П.А. Ильенков ... выпустил книгу «Курс химической технологии», отмеченную в рецензии Ленца, Якоби и Фритцше. За эту работу Ильенков заслуженно получил Демидовскую премию.

По тому времени химическая технология Ильенкова не имела себе равной. При общем объеме в 1108 стр. она заключала в себе еще атлас с 27 таблицами чертежей. В технологии Ильенкова были представлены следующие разделы: топливо, свечное производство, растительные масла, селитра, азотная кислота, сода, поташ, аммиачные соли, известь, цементы, стекло, фарфор, фаянс, квасцы, хромпик, купорос, синькальи, минеральные краски, гальванотехника, металлургия, органические вещества, производство бумаги, белиение, питательные вещества, уксуснокислый свинец, сахарное производство, кожевенное, крашение тканей и ситцепечатание. Следовательно, в технологии Ильенкова были представлены все химические производства. Когда Ильенков писал эту технологию, было известно всего лишь 62 химических элемента!

По тому времени курс этот представлял большую ценность как для учащихся, так и для работников химической промышленности, поскольку в нем были описаны современные методы производства и даны чертежи современных установок» [70, с. 382-383].

Устройством химической лаборатории, по примеру знаменитой Либиховской, сначала в Санкт-Петербургском университете, а потом в Петровской академии, Ильенков показал, как нужно подходить к этому важному делу для ведения научных исследований и обеспечения учебного процесса делу. Кстати сказать, университетская лаборатория в значительной мере создавалась за счет его личных средств.

Большим вкладом в развитие отечественной химии и агрономии стал перевод Ильенковым на русский язык работ Либиха: «Искусственные удобрения или туки» (1850), «Химия в приложении к земледелию и физиологии растений». По сути дела, российские земледельцы впервые получили обстоятельные руководства по использованию минеральных удобрений. А выдающийся российский химик задолго до перехода в Петровскую академию уже служил отечественному сельскому хозяйству. Другое дело, что по причинам, о которых мы говорили в начале книги, оно было мало восприимчивым к прогрессивным идеям и технологиям.

Круг интересов Ильенкова был широк и разнообразен и вовсе не ограничивался научной и учебной деятельностью в рамках дорогой ему химии.

«Естествоиспытатель по призванию и в самом широком смысле слова, он видел в естествознании не только богатые сокровища положительных знаний, но и единственную строгую дисциплину ума. Особенно привязанный к своей облюбленной науке — химии, он постоянно интересовался и смежными с нею науками, физикой и физиологией. Вполне сознавая могущество теории, он в то же время, по складу своего ума, с особенным удовольствием останавливался на тех сторонах науки, которыми она приходит в прикосновение с жизнью — отсюда его постоянное, обозначившееся еще на университетской скамье предпочтение к прикладным знаниям, к технологии и, позднее, к агрономической химии. И не одно только естествознание привлекало его внимание...» [112, с. 250].

Работая в Санкт-Петербурге, он участвовал в обсуждении проблем, связанных со строительством Исаакиевского собора и Публичной библиотеки. Являлся членом Мануфактурного совета и Артиллерийского отделения военно-учебного комитета. Во время Крымской войны (1853-1856) выезжал в Германию для изучения новой технологии получения селитры, главного компонента для производства пороха. Его научная деятельность протекала в тесной связи с реальным фабрично-заводским

производством, что содействовало их взаимному обогащению. Таким образом Ильенков способствовал развитию многих технологий в различных отраслях промышленности, не только выдавая идеи, но и участвуя в их материализации.

В середине XIX века бурно развивалась сахарная промышленность, и Павел Антонович оказался вовлеченным в этот процесс. Его пригласил на свои заводы известный сахаропромышленник А.А. Бобринский. Пять лет посвятил производству сахара Ильенков. Но эти годы не следует рассматривать как потраченные впустую для ученого-химика. Наоборот — сахарные заводы явились полигоном для проверки на практике многих научных идей и постановки технических экспериментов. К.А. Тимирязев писал о том периоде жизни ученого: «На заводе он оставался таким же ученым, каким был в лаборатории: в производстве он видел тот же опыт, только в больших размерах. Даже в позднейшие годы стоило его навести на разговор о свеклосахарном производстве, сделавшемся его любимым, чтобы убедиться, что мысль его постоянно возвращалась к вопросам, возбужденным долгой практикой, что ум его постоянно работал над устранением тех препятствий, которых еще не успела преодолеть техника. В этих вопросах, как и в вопросах научных, он находил всю увлекательность борьбы с природой, в которой победа всегда остается за умом и знанием» [Там же, с. 244-245].

Говоря о заводском периоде деятельности Ильенкова, следует отметить ряд обстоятельств. Во-первых, он отдавался делу с большим увлечением. Мог сутками не выходить с предприятия, если решался какой-нибудь интересный технический вопрос. Во-вторых, не стремился к авторской защите своих изобретений, щедро делился идеями и опытом с производственниками через показ и рассказ о них, с учеными — через чтение лекций и публикацию научных статей. В-третьих, будучи против увеличения прибылей за счет эксплуатации людей, он добивался их путем технических усовершенствований.

В связи с участием Ильенкова в производстве, необходимо подчеркнуть его политэкономический принцип, которому он следовал и который сделал бы честь Адаму Смиту и Карлу Марксу: «Разумная деятельность, какого бы она рода не была, необходимо стремится так изменить отношения между результатом и трудом, предпринимаемым для его достижения, чтобы первый постоянно возрастал, а второй уменьшался» [Там же, с. 245].

П.А. Ильенков, как один из известнейших в России ученых, хорошо знающий постановку научного образования в России и за рубежом, к тому же — технолог и производственник, был привлечен к участию в создании Петровской академии. Более того, ему даже было предложено возглавить новое учебное заведение. Но он отказался от этого, сосредото-

чившись на строительстве химической лаборатории, которой и собирался руководить. Хотя Ильенкову пришлось некоторое время (1869) руководить и Академией.

По отзывам современников, созданная им химическая лаборатория была лучшей в России и одной из лучших в Европе. Здесь, несомненно, сказались длительная работа и постоянное общение Павла Антоновича с Либихом и его знание уровня преподавания химии в европейских университетах и академиях.

Имея столь прекрасную лабораторию и будучи профессором химии, ученый мог бы многое сделать на научном поприще, тем более, располагая в лице студентов большим числом бесплатных помощников. Но он считал главными задачами во время работы в Петровской академии не продвижение химической науки и удовлетворение своих амбиций ученого, а лучшее приобщение к химии студентов: «...он видел в своей лаборатории, прежде всего и главным образом, учебную лабораторию. Наша обязанность научить слушателей работать, снабдить их всеми необходимыми знаниями, развязать им руки, так, чтобы, когда понадобится, они сумели взяться за любое исследование; отвлекать же их прежде, чем они достигли этой степени знания, какими-нибудь самостоятельными исследованиями, особенно при кратком, трехлетнем курсе Академии, значило бы вредить общим целям академического преподавания» [Там же, с. 248].

Но тем не менее ученый во время пребывания в Академии (в течение 10 лет) вел научные исследования. К этому периоду относятся его работы «О влиянии почвенной влаги на растительность» и «О размельчении костей». В последней речь шла об оригинальном способе приготовления наиболее распространенного костного удобрения. Она была замечена и отмечена Юстасом Либихом: «Мысль разлагать кости вместо кислоты щелочью, действительно блестящая, и остается только изумляться, что она ранее никому не пришла в голову... Я сам предприиму ряд опытов с этим удобрением» [Там же, с. 248].

В исследованиях под руководством своего наставника участвовали и студенты.

Авторитет ученого и в то же время педагога являлся тем самым субъективным обстоятельством, которое определяло удельный вес преподаваемого им предмета в планах учебного заведения и в аттестационных требованиях его выпускников. П.А. Ильенков преподавал агрономическую химию. Из семи вопросов, предложенных соискателю на звание кандидата сельскохозяйственных наук, четыре были по агрономической химии. Мы приведем их, чтобы дать представление о том, чему учили студентов по этому предмету.

Вопрос 1-й. — «Рассмотреть критически, в какой мере значение химического состава почвы, доставляемое химическим анализом, при современном его состоянии, может служить к оценке ее плодородия и богатства».

Вопрос 2-й. — «Изложить методы исследования, которые были употреблены для решения вопроса о значении для растений минеральных веществ вообще, и для показания особенного влияния, оказываемого веществами, находимыми в золе растений, каждым отдельно. Все ли минеральные вещества, находимые анализом в золе растений, необходимы для растений?».

Вопрос 3-й. — «Если бы предстояло исследовать, может ли растение употребить свободный азот атмосферы как материал для образования азотистых соединений, то как следовало бы расположить опыты для этой цели?».

Вопрос 4-й. — «Изложить результаты исследований о поглотительной способности почвенного слоя; показать, как изменяется химический анализ в этих исследованиях, и рассмотреть, следует ли считать эту способность почв зависящей только от физического состояния частиц их, или и химический состав частиц имеет также значение» [70, т. III, с. 156].

Много доброго сделал П.А. Ильенков для утверждения авторитета Петровской академии, хотя это было и сложно ввиду обстоятельств, определивших неудачное начало деятельности учебного заведения.

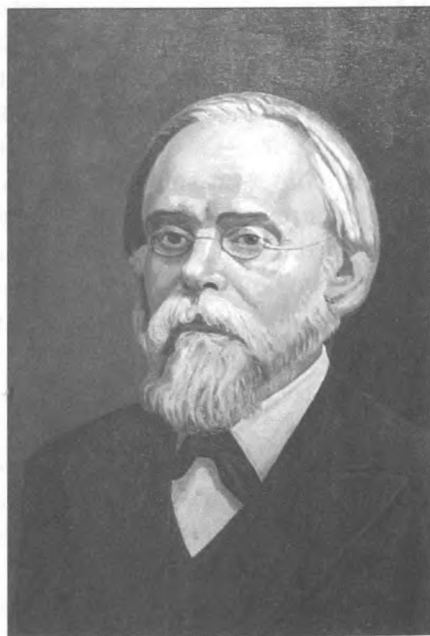
О признании заслуг в научной и педагогической деятельности П.А. Ильенкова говорит факт учреждения премии его имени Петербургским университетом.

При избрании П.А. Ильенкова в почетные члены Петровской академии один из членов Совета, выражая общее мнение, сказал об ученом: «Почти излишним считаю упоминать о его ученых заслугах и преподавательской деятельности; они всем известны и оценены по достоинству; вещественное воспоминание о них сохранится в образцовой, устроенной им, лаборатории. Для нас важна та любовь, та преданность, с которыми он в течение десяти лет заботился обо всем, что касалось достоинства и научного значения Академии, в основании которой принимал деятельное участие. Среди почти всеобщего недоброжелательства, которое встретила Академия и в печати, и в обществе, почти с самого ее начала, никогда, ни одно слово осуждения не коснулось преподавателей и научного уровня учреждения. Этим Академия может справедливо гордиться; это сознание одно в состоянии поддерживать и ободрять нас среди всевозможных невзгод и всеобщего несочувствия или равнодушия. Этой единственной доброй славой, которую она заслужила за свое десятилетнее существование, Академия, конечно, обязана тем лицам, которые составили ее перво-

начальное ядро, и, я полагаю, всякий охотно согласится, что центром этого ядра был Павел Антонович» [112, т. V, с. 251-252].

В заключение рассказа об Ильенкове приведем слова его соратника по академии В.К. Делла-Восса: «Человек серьезный, положительный и выдающийся ученый, Павел Антонович Ильенков отличался твердым характером, рыцарской честностью убеждений и выработанным, хотя своеобразным взглядом на жизнь. Действия его с такой скрупулезностью, точностью согласовывались всегда с его убеждениями, что в этом нельзя было не заметить проявления некоторого рода аскетизма. Мы замечали во взглядах и действиях Павла Антоновича следующий только недостаток: увлекаемый и проникнутый всем идеально хорошим, он не допускал в окружающих лицах, особенно в учащейся молодежи, иных стремлений, иных идеалов, иных взглядов на жизнь, кроме тех, которые были присущи его рыцарски благородному и честному характеру. Полное разочарование в этом отношении было впоследствии одною из главных причин оставления Павлом Антоновичем Петровской Академии» [26, с. 181].

Иван Александрович Стебут (1833-1923) родился в многолетней семье потомков литовских дворян в Великих Луках. В 1850 г. окончил Петербургскую гимназию (первым учеником!) и поступил на казенный счет в Горыгорецкий земледельческий институт, хотя имел возможность стать студентом Петербургского университета. Свой выбор Иван Александрович объясняет любовью отца к сельскому хозяйству, передавшейся и ему. Окончил институт с серебряной медалью (второй по оценкам в выпуске) и был оставлен в нем помощником управляющего фермой. Лето 1856 г. провел в Прибалтийских губерниях, будучи командированным Министерством госимуществ, откуда, по его выражению, «вынес ... массу полезных сведений». Потом было путешествие (со студентами) по Могилевской области. Стебут обратил на себя внимание руководителей Министерства госимуществ, когда ему было поручено дать предложения по реформированию Горыгорецкого института. В 1858 г. его направили в трехлетнюю заграничную командировку для подготовки к занятию должности руководителя кафедры земледелия. Однако не указали, где и как он должен был про-

И. А. Стебут

вести эти годы. «Таким образом, — вспоминал Стебут, — я был предоставлен в заграничном путешествии сам себе». Он посетил ведущие высшие сельскохозяйственные учебные заведения Англии, Бельгии, Голландии, Германии, Франции. Выбирал те предметы, в которых считал себя менее подготовленным и по которым, по его мнению, было что послушать: химия, минералогия, земледелие, физиология, скотоводство, сельскохозяйственная экономия. Знакомился с фермерскими хозяйствами, промышленными предприятиями, даже изучал систему удаления городских нечистот в Париже.

Помимо обучения, Стебут выполнял поручения Министерства Государственных имуществ по приобретению экспонатов (машин и сельскохозяйственных орудий для создаваемого в Петербурге Сельскохозяйственного музея), породистых лошадей из Бельгии, других животных.

Приходилось Стебуту и позже бывать в длительных заграничных командировках. В 1862 г. в течение полугода пробыл в Лондоне, занимаясь приобретением экспонатов для Петербургского сельскохозяйственного музея и Кабинета земледелия Горыгорецкого института.

По возвращении в Горыгорецкий институт (1860) Стебут стал преподавателем. Помимо земледелия, вел занятия со студентами по политэкономии. За рамками учебных программ Стебут организовывал семинары со студентами, о которых писал: «...я считал необходимым устроить для моих слушателей семинар, который велся мною так: слушатель писал на избранную им с моего одобрения тему сочинение, которое предварительно по прочтении его в собрании товарищей его в моем присутствии прочитывалось двумя товарищами, делавшими на него письменные замечания. В назначенный день (некоторые собирались каждую пятницу у меня на дому) прочитывалось в семинаре сперва сочинение, а потом письменные замечания, и то и другое дебатировалось присутствующими» [7, с. 41].

Во время польского восстания, охватившего и Горки, пострадал институт. Стебут был, несмотря на возражения, включен в комиссию по расследованию волнений на предмет выяснения степени участия в них сотрудников и студентов института.

Осенью 1864 г. Иван Александрович в числе других преподавателей был переведен в Петербург, но уже в следующем году по предложению Министра государственных имуществ его назначили руководителем кафедры земледелия Петровской академии. Защитил магистерскую диссертацию «Известь как средство восстановления плодородия». Официальными оппонентами при его защите были будущий великий химик Д.И. Менделеев и А.В. Советов, известный русский агрономический деятель.

Назначение Ивана Александровича в Петровскую академию состоялось без желания на то Н.И. Железнова, ее директора, с которым были у него «прохладные» отношения.

В своих воспоминаниях о поездке в Петербург в 1863 г. Иван Александрович писал: «...в этот приезд я возобновил знакомство с Н.И. Железновым, директором уже устраивавшейся Петровской академии. Он сказал мне, что, надеется, я не откажусь приехать в Петровское-Разумовское дать нужные указания об устройстве опытного поля Академии. Надобно сказать, что еще министр Муравьев, по мысли которого основалась Петровская академия, имел меня в виду для кафедры земледелия в ней. И мне давали понимать в министерстве, что рано или поздно я непременно буду в Петровской академии. Но Н.И. Железнов, которому было поручено приглашение профессоров в Академию, не желал меня и преимущественно как воспитанника Горыгорецкого института, против которого он был предубежден. Судьба насмеялась над ним — ему пришлось открыть Академию с 4 воспитанниками Горыгорецкого института: я, И.Н. Чернопятков, А.С. Есаков и Н.И. Барановский...» [Там же, с. 44].

Рассказывая об уставе Академии, мы приводили слова Стебута, считавшего, что устав изобиловал серьезными недостатками, так как выработывался людьми, среди которых не было «опытных преподавателей сельского хозяйства». Конечно, это прежде всего касалось Железнова. Поскольку Стебут пришел в Академию, когда устав был уже принят.

В преподавательской работе в Горыгорецком институте, и особенно в Петровской академии, Стебут уделял исключительно большое внимание накоплению натуральных образцов в музеях при учебных заведениях, организации опытных полей, агрономических лабораторий. Много делал по увеличению удельного веса практических и лабораторных занятий студентов, хотя это и не очень получалось.

Научное наследие Ивана Александровича Стебута велико. Отечественную сельскохозяйственную науку и литературу невозможно представить без его фундаментального двухтомного труда «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России». Это была по сути дела первая работа по растениеводству, построенная на богатом российском и зарубежном материале. То же можно сказать и об «Учебнике частного растениеводства».

Большое научно-практическое значение имели работы Стебута «Обработка почвы», «О посеве вообще и рядовом в особенности», «Возделывание хлебных зерновых растений», «Обозрение по земледелию», «Сельскохозяйственные заметки».

Он исследовал наряду с известкованием и влияние гипсования на плодородие почв. Вышла его статья «Истощение и удобрение почв» (1869). Стебут изучил и описал вклад великих ученых XIX века Тэера и

Либиха в развитие мировой науки об удобрениях и их влиянии на процветание сельского хозяйства Германии. Проблеме удобрений посвящена значительная часть раздела о земледелии, написанного Стебутом, в коллективном труде «Настольная книга для русских сельских хозяев». В 1890 г. вышла его работа «К вопросу о применении фосфорнокислых туков на черноземельных почвах».

Много внимания уделял Стебут травосеянию, видя в нем путь к повышению общей культуры земледелия, подъему животноводства, решению проблемы органических удобрений. Этому посвящены его работы «Обеспечение скота кормовыми средствами в северной и на рубеже северной и средней полосы России» (1871) и «Обеспечение скота кормовыми средствами в средней черноземной полосе России» (1883). Стебут являлся энтузиастом возделывания такой ценной для России культуры, как лен. О нем идет речь в ряде статей, в том числе — «Возделывание льна» (1872), «Лекция о льне» (1878). О сахарной свекле он пишет в «Коллекции по культуре сахарной свекловицы». У него много работ, посвященных картофелю: «Об употребляемых в России способах посадки картофеля» (1891), «Объяснение коллекций по культуре картофеля» (1892), «К вопросу о возрасте семенных клубней картофеля» (1894).

Есть работы по возделыванию подсолнечника, конских бобов и др. Ученый много занимался сорняками («Луговые сорные травы и их истребление», «Сорные травы и их истребление»).

Залог успеха учебного заведения Стебут видел в установлении прочных связей с окружающими хозяйствами крестьян и помещиков. Чтобы, с одной стороны, студенты и преподаватели на практике изучали ведение дела в лучших хозяйствах, с другой — использовали их как полигон для опробования новых агротехнических приемов. Он приложил немало сил для организации Комитета сельскохозяйственной консультации. Учредил и в течение нескольких лет редактировал газету «Русское сельское хозяйство», стал инициатором и организатором московской политехнической выставки. Выступал с публичными лекциями в Москве и Петербурге. Объединенные вместе, эти лекции вошли в «Основы полевой культуры». Во время студенческих каникул организовывал экспедиции по российским губерниям, изучая ведение хозяйства и жизнь крестьян. Результатом таких поездок стали «Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию». Стал инициатором издания и ведущим автором «Настольной книги» для занимающихся сельским хозяйством. Он был активным организатором всевозможных выставок, демонстраций опытных полей, практического показа новых образцов сельскохозяйственной техники в действии. Стебут считал обязательным, чтобы его собственное имение «Кроткое», что в Тульской губернии, являлось образцовым по уровню ведения хозяйства как в агро-

техническом, организационном, так и в экономическом отношениях. За годы его хозяйствования имение буквально преобразилось. Вместо пахоты сохами стали применяться современные орудия, в том числе усовершенствованные самим ученым. Внесение органики, установление многопольного севооборота, травосеяния, опыты с полезащитными лесонасаждениями, прогрессивные формы оплаты труда работников — вот далеко не полный перечень того, что делал Стебут в своем хозяйстве. И соответствующими были результаты. Мы приведем урожайность в ц/га по двум наиболее возделываемым у него в имении культурам:

Годы	Озимая рожь	Овес
1876	8,8	10,9
1876-1880	9,9	10,1
1881-1885	12,0	11,3
1886-1890	15,9	18,5
1891-1895*	13,6	16,4
1895	19,5	19,5

* 1981 и 1892 г. были неурожайными.

Наработанное в хозяйстве, Стебут использовал в научной работе, а также при занятиях со студентами и в просветительской деятельности как во время чтения лекций в разного рода аудиториях, так и в показах хозяевам-практикам, которые ехали к нему со всех сторон.

Стебут активно работал в различных обществах, служащих народнохозяйственному прогрессу. В частности, в МОСХ. Часто выступал в нем с докладами. Состоял там товарищем Председателя комитета земледелия, в создании которого сыграл ведущую роль. Будучи членом Общества любителей естествознания и антропологии, выступал и в нем с лекциями. О применении искусственных удобрений Стебут докладывал делегатам съездов сельских хозяев. Много лекций было прочитано им в Обществе по распространению технических знаний. Выступая перед съездом естествоиспытателей в Киеве (1871), рекомендовал учредить агрономическую секцию при их обществе.

Стебут постоянно привлекался к участию в разработке государственных законопроектов, касающихся сельского хозяйства, к подготовке новых уставов сельскохозяйственных учебных заведений, к организации печатных изданий для практических работников сельского хозяйства.

Ему принадлежит приоритет в организации женского сельскохозяйственного образования. Его стараниями в московских сельскохозяйственных учебных заведениях были организованы женские курсы, которые затем стали учреждаться в других губерниях России. Возможности Стебута по рас-

пространению сельскохозяйственного опыта и знаний усиливались тем, что мы называем сейчас административным ресурсом. Он занимал пост председателя ученого Комитета Министерства земледелия и государственных имуществ и являлся одновременно членом Совета министра.

Все сказанное говорит о том, что перед нами предстает не только выдающийся ученый, но и просветитель, человек с гражданской позицией, с чувством глубочайшей ответственности за состояние сельского хозяйства, за уровень жизни крестьян, за судьбу России. Таковыми он хотел видеть и своих питомцев.

И.А. Стебут являлся центром, как сейчас принято говорить — неформальным лидером большого семейно-дружественного клана ведущих деятелей агрономической науки и практики. Назовем ряд имен.

Он женился на дочери агронома Б.А. Михельсона, руководившего фермой и опытным полем Горыгорецкого института. Его сын А.И. Стебут также стал агрономом-почвоведом, ученым и селекционером. Его дочь вышла замуж за М.А. Арнольда — также агронома, преподававшего на Голицынских женских сельскохозяйственных курсах. И их сын и дочь стали агрономами. На другой дочери Б.А. Михельсона был женат профессор земледелия Петровской академии А.А. Фадеев. Сестра Ивана Александровича А.А. Стебут вышла замуж за С.С. Коссовича, главу агрономической династии, ставшего директором Московской земледельческой школы. Их сыновья П.С. Коссович и В.С. Коссович стали крупными агрономическими деятелями, а первый — директором Петербургского лесного института.

А. Ф. Фортунатов

Среди учеников И.А. Стебута — А.Ф. Фортунатов, Д.И. Прянишников, В.Р. Вильямс, П.Р. Слезкин и др. К числу близких к нему людей, друзей относились П.А. Ильенков, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, М.В. Неручев, А.П. Людоговский. Можно себе представить, что происходило, когда эти люди собирались вместе. Какие дискуссии возникали между ними. И хотя такие встречи не являлись официальными съездами, конференциями или круглыми столами», они давали импульсы развитию науки, способствовали выработке вектора государственной аграрной политики. Конечно, люди собирались не только для

обсуждения проблем сельского хозяйства и судеб России. Они и просто отдыхали, наслаждаясь общением в высокоинтеллектуальной среде.

О близких к Стебуту людях рассказывает В.С. Коссович: «Особенно памятно за ряд лет субботы — назначенные дни у Стебута, — вспоминает он. — По субботам у Ивана Александровича собиралось небольшое

общество: профессор химии П.А. Ильенков, друг хозяина и ближайший товарищ по Петровской академии, молодой еще тогда К.А. Тимирязев оживлял всех, с мастерством и увлечением читая «Дон Жуана» Байрона, А.А. Фадеев, профессор кафедры земледелия Академии, выдающийся пианист, играл в четыре руки, чаще всего с сестрой хозяина С.А. Стебут. Иногда бывали профессора Московского университета И.М. Сеченов с сестрой и И.И. Янжул» [Там же, с. 82].

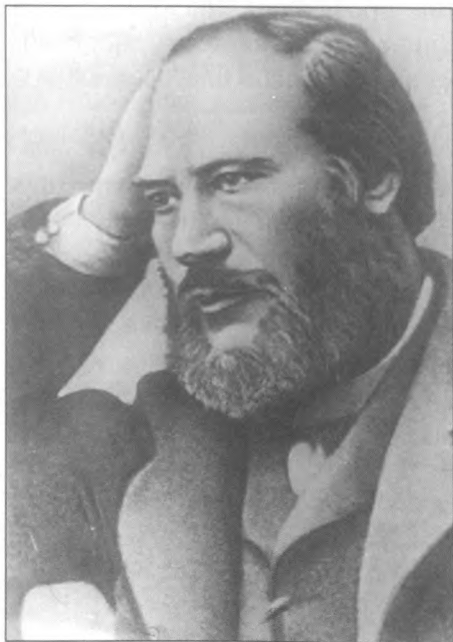
Дух захватывает от одного перечисления имен. Каждое — гордость отечественной науки. И группировалось это сообщество вокруг Ивана Александровича. Его любили, уважали, к нему тянулись и маститые ученые, и студенты, и рабочие хозяйства.

Во время чествования ученого в связи с пятидесятилетием начала его научной деятельности ведущие русские ученые писали в приветственном адресе: «Выступив одним из пионеров научного отношения к русскому сельскому хозяйству, Вы, с немногими соратниками, в течение пятидесяти лет трудились над созданием русской агрономической науки. Глубокое и плодотворное в русской жизни значение Вашей деятельности, широкое понимание Вами задач агронома, профессора, писателя, Ваша личность, полная человечности, справедливости, простоты и доступности, является предметом искреннего уважения, глубокой благодарности и любви Ваших учеников и почитателей» [17, с. 92].

Закончим рассказ о выдающемся русском ученом его словами, сказанными перед выпускниками Петровской академии. В них жизненная позиция, шкала ценностных ориентаций И.А. Стебута: «Близится время, когда многим из вас придется взяться за устройство своего хозяйства, составлять организационный план, обзаводиться постройками, инвентарем, действовать, наконец. Но прежде, чем думать о рядовом посеве, прежде чем соблазняться красивой работой жнейки или волноваться заманчивой мечтой при виде роскошной пахоты парового плуга-самоката, приглядитесь добросовестно к хозяйству ваших соседей, а также к убогому, с виду, но богатому опытом хозяйству ваших соседей-крестьян. Но сделайте еще больше: изучите природу, вас окружающую, изучите почву, от которой ожидаете вы себе урожая и надежной прибыли, познакомьтесь основательно с топографическим характером вашей хозяйственной дачи, с ее лицом, так сказать; вникните затем в многообразное значение местного климата и его ближайшую связь с почвой, с приемами ее обработки, с условиями успешного роста избранных вами культурных растений, и, не котируя никого, но учась у всех, сумеете развить в себе и ту тонкую наблюдательность без натуги, которая зовется «сельскохозяйственным зрением», и тот драгоценный и незаменимый дух почина и творчества, без которого нельзя шагу ступить тому, кто хочет сделаться организатором даже самого маленького хозяйства. И говорю вам: не просите у меня ре-

цептов. Не рецепты даю я вам, а также не копиистов и книжников хотел бы я видеть в вас, но прежде всего сознательно мыслящих людей, мастеров своего дела, хозяев, горячо любящих избранную профессию, искренно преданных живым интересам своей сельскохозяйственной службы, стойких в своих взглядах, энергичных в проведении твердо намеченных практических задач, достойных интеллигентных работников русской деревни» [Там же].

К сожалению, так бывает в жизни часто, что выдающиеся и достойнейшие сыны России заканчивают жизнь в одиночестве и бедности. Трудно поверить, что И.А. Стебут умер в безызвестности. По некоторым данным, он похоронен на Ваганьковском кладбище в 1923 г. Но на сегодняшний момент никто не знает, где его могила. Наверное, над ней уже другая могила или памятник. И эта задача нас, современников, найти ее и воздать должное праху этого великого человека, прославившего нашу Академию, наше отечество на весь мир и ставшего на один уровень с такими выдающимися учеными, как Менделеев, Сеченов, Бутлеров, Павлов и т.д.

И. Н. Чернопяттов

Илья Никитич Чернопяттов (1822-1879) — один из основателей российской зоотехнической науки. В 1846 г. закончил Горьгорецкий земледельческий институт, стал агрономом. Судьба ученого удивительна в том плане, что оставаясь все время верным сельскохозяйственной науке, он одну половину своей творческой жизни (1846-1863) посвятил преимущественно агрономии (земледелию), вторую (1863-1879) — животноводству. И оба периода начались с длительных зарубежных командировок. В 1848-1850 гг. Чернопяттов побывал в Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Франции. Слушал в течение года лекции (в Эльденгской академии), знакомился с образцовыми хозяйствами, изучал мелиоративные системы, ор-

ганизацию добычи торфа. После чего до 1863 г. заведовал кафедрой сельского хозяйства в Лесном и межевом институте. Впрочем, он уже тогда помимо земледелия преподавал и скотоводство.

Из творческого наследия первого периода следует отметить книгу «Руководство к торфяному хозяйству», написанную двадцатипятилетним

ученым. Рецензент говорил о ней: «Руководство к торфяному хозяйству агронома Чернопятова бесспорно есть доселе лучшее сочинение в этом роде на русском языке...» [9, с. 86].

В 1861 г. вышла книга «Руководство к орошению разных земельных угодий», получившая также высокую оценку.

С назначением в Петровскую академию (1863) начинается второй период деятельности Чернопятова, где он вначале занимается подготовкой учебного заведения к работе, а потом преподаванием в качестве профессора на кафедре зоотехнии. Но предварительно, как уже сказано, вновь отправился на полтора года за границу (Англия, Бельгия, Германия, Франция, Швейцария). Изучал зоотехническую науку, посещал лучшие животноводческие хозяйства.

Ученый хорошо знал положение в отечественном животноводстве, предприняв с целью его изучения ряд экспедиций по многим губерниям Российской Империи. Он побывал в Астраханской, Владимирской, Екатеринославской, Костромской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Таврической, Тверской, Тульской, Херсонской, Ярославской губерниях. По материалам проведенных исследований им в 1872 г. была издана книга «Скотоводство в северных и средних губерниях России и меры к его улучшению». Многие сказанные ученым в этой работе оказались откровением даже для знатоков российского сельского хозяйства. Картины деградации животноводства (снижение поголовья на 100 жителей и низкая продуктивность животных) были потрясающими на фоне положения в Европе, которое также было хорошо известно автору. Он писал: «Столь низкая молочная и мясная продуктивность является результатом слабой экономики крестьянских хозяйств, которые кормят скот зимой одной соломой. Голодает скот и летом на скудных пастбищах и паровых полях...» [Там же, с. 87].

Чернопятов доказывал, ссылаясь на положение в лучших хозяйствах, что и в российских условиях со скотом местных пород можно добиваться высоких результатов, и говорил, что для этого нужно делать. Наряду с улучшением скота «в себе», он предлагал и скрещивание его с лучшими заграничными породами. Чернопятов был одержим идеей повышения продуктивности животных, пропагандировал ее в научных трудах и лекциях. В 1870 г. он выступил с докладом «О рациональных мерах к улучшению туземных пород скота» на съезде сельских хозяев МОСХ. В 1880-х годах Чернопятов вместе с Верещагиным — среди первых преподавателей организованной в селе Эдимонове Ярославской губернии школы молочного хозяйства. Он учит, какими должны быть рационы кормления телят в зависимости от назначения животного — мясного или молочного.

Особенно много сделал Чернопяттов по развитию овцеводства, большим любителем, знатоком, говоря современным языком, фанатом которого являлся. Этому посвящена его книга «Исторический очерк развития тонкошерстного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его». Ее содержание было изложено в речи на Годичном акте Петровской академии 21 ноября 1873 г. Коротко остановимся на этой работе.

В книге сделан исторический обзор «тонкошерстного овцеводства», начиная с решительных мер Петра I. Мы уже говорили, что многие Петровские новации диктовались нуждами все возрастающей армии. Не являлась исключением и эта. Чернопяттов приводит слова из царского указа, дающие представление об особом с его стороны благопритствованиям сукнозаводчикам: «Размножать суконные заводы и не в одном месте, так, чтобы в 5 лет не покупать мундиру заморского; и заводы дать торговым людям, собрав компанию, буде волею не похотят, хотя в неволю, а за заводы деньги брать погодно с легкостью, дабы ласковей им в том деле промышлять было» [139, с. 5].

А чтобы наладить производство шерсти, из-за границы были выпущены овчары и направлены в Малороссию и Воронежскую губернию для обучения местного населения овцеводству.

Чернопяттов проследил всю историю овцеводства и производства шерстяных тканей в России, дал краткий обзор состояния и истории этой отрасли в передовых европейских странах и остановился на причинах традиционного отставания нашей страны от других. Ученый с тревогой отмечал наметившийся спад в производстве шерсти, объяснявшийся прежде всего уменьшением поголовья тонкошерстных овец (в 1864 г. их насчитывалось 11,65 млн голов; в 1871 г. — 10,09 млн).

Чернопяттов писал, что «эта ветвь хозяйства начинает клониться к упаду даже в Новороссийском крае, составляющем главный центр развития тонкошерстного овцеводства» [Там же, с. 44]. Он видел причины деградации отрасли в растерянности хозяев, неумении вести дело после потери работников с отменой крепостного права; уменьшении пастбищ и сенокосов из-за увеличения их распахки в связи с ростом спроса на хлеб; низком уровне племенного дела; ухудшении качества шерсти и т.д.

Ученый выступает за то, чтобы «овцеводы, торговцы шерстью и суконные фабриканты находились в постоянных сношениях и, взаимно наставляя один другого, содействовали таким образом к объяснению этой важной ветви хозяйства» [Там же, с. 48]. Он настаивает на организации племенного дела, создании племенных овчарен, изучении опыта лучших хозяйств, организаций выставок животных, регулярном совместном обсуждении достижений лучших овцеводов. Он разделяет их мнение о том, чтобы «учреждение коренных овчарных заводов и школ при них... возло-

жить на долженствующее образоваться общество овцеводов. Сумму, потребную для устройства и содержания сказанных учреждений ... образовывать из сборов с овчарных заводов, обложив их по нескольку копеек с овцы, или же определив величину взноса по количеству земли, собственной и арендуемой, с расчетом $1\frac{1}{2}$ -2 овцы на десятину. Управление овчарными заводами... поручить людям сведущим по овцеводству, которые были бы обязаны следить за успехами улучшения стад, уходом за животными, полученными из племенных овчарен, и давать направление тонкошерстным стадам, сообщая обществу о результатах овцеводства. На них возложить также соби́рание сведений о всех прочих стадах в крае и сообщение их обществу. Общество обязано будет издавать записки по овцеводству, сообщая в них весь ход предприятия, все отчеты, все предположения и распоряжения, все результаты, и вообще все то, что относится к овцеводству как у нас, так и в других странах, так, чтобы журнал составлял полную историю предприятия и хронику современного состояния этой отрасли хозяйства. Издание подобных записок признается весьма полезным; потому что большинство наших овцеводов не обладает надлежащими научными и практическими сведениями по овцеводству, и руководствуется лишь показаниями, выведенными из опыта атаманов и чабанов и из своих собственных наблюдений» [Там же, с. 50].

Отдав дань овцеводству, Чернопяттов перешел к суконной промышленности, переживавшей также застой. Увеличение завоза высококачественных шерстяных тканей из-за границы (с 1860 по 1869 г. почти в три раза) не стимулировало развитие овцеводства и вело к расширению производства грубых шерстяных тканей в домашних крестьянских хозяйствах, к натурализации последних.

Чернопяттов выступает как патриот, государственный деятель, гражданин, ратующий за производство в России высококачественных шерстяных товаров, против превращения ее в поставщика сырья для европейских фабрик. Как актуально это сегодня, когда Россия опять поставляет за границу в основном сырье, правда, уже другое: «Принятие мер к дальнейшему развитию нашей суконной и вообще шерстяной фабрикации будет иметь громадное значение для отечественной промышленности. Для государства большая выгода, если произведения его в нем же перерабатываются; этим поддерживаются и упрочиваются занятия для народа гораздо более, чем когда сырые произведения отпускаются за границу. Продавая шерсть за границу и покупая там изделия, вырабатываемые из нашей шерсти, мы при этом платим цену, по которой была куплена у нас шерсть, издержки за провоз ее туда и обратно, проценты на употребленный капитал, рабочую плату и барыши по торговле. И при всем том мы еще считаем за милость, если иностранцы покупают у нас шерсть.

Если шерсть перерабатывается в своей земле, то в ней не только, как мы сказали, остается капитал, употребляемый на обработку, но еще приобретает новый. Народ находит занятие, а производители покупателей для своих произведений. За этим вслед потребуются новые произведения, как например, делание ткацких и прядильных инструментов, разведение красильных растений, большое потребление жирных масел для обработки шерсти и проч.» [Там же, с. 52].

Оставляем эти слова выдающегося русского ученого и гражданина без комментариев.

Как и многие другие профессора Академии, Чернопятов всю жизнь занимался собиранием коллекции из предметов, касающихся его любимого дела.

Им была собрана коллекция шерсти из России и других стран (более тысячи образцов), которая экспонировалась на Всемирной выставке в Вене в 1873 г. После смерти ученого она была передана Петровской академии.

Труды Чернопятова на протяжении десятилетий являлись основополагающими для поколений ученых и практиков, работающих в животноводстве, и студентов. Круг его научных интересов широк, а сам он был энциклопедистом в сельском хозяйстве. Пример — его участие в издании «Настольной книги для русских сельских хозяев», в которой не были написаны разделы: «Скотоводство», «Птицеводство», «Рыбоводство», «Пчеловодство».

О том же говорит и его преподавательская деятельность. «В Академии им читались лекции по зооигиене, общему скотоводству, разведению домашних животных, птиц, пресноводных рыб, шелководству. Наряду с лекциями велись практические занятия в зоотехническом кабинете на скотном дворе академической фермы, на пчелиной пасеке, в рыбозаводном хозяйстве» [9, с. 87].

Профессор Чернопятов, как и Стебут, уделял большое внимание практическому обучению студентов, хотя, как отмечалось, это дело не удалось поставить в Академии на должный уровень. Но, что касается кафедры зоотехники, то при ней был организован кабинет, насчитывавший более трех тысяч пособий и экспонатов. Кабинет представлял собой прекрасно оборудованную экспериментальную лабораторию.

Мы приводим примеры оснащения наглядными пособиями кабинетов различных кафедр Академии, сделаем это и применительно к кабинету зоотехнии, в комплектовании которого решающая роль принадлежит профессору Чернопятову. В кабинете на начало 1873 г. имелись [19, с. 27-28]:

машины, орудия и снаряды
модели

120
22

чучела кур разных пород	18
разбирающиеся препараты из папье-маше	28
коллекции овечьих и ламовых шерстей (700 образцов)	5
коллекция образцов коконов разных пород	
шелкопряда и шелка различных размоток	1
коллекция снарядов, употребляемых при искусственном разведении рыб и ловли их, содержащая 154 номера	1
пчелиный кабинет доктора Польмана, заключающий собрание разных пород пчел, их произведений и врагов, в 131 образцах	1
фотографические снимки с животных, бывших на 1-й Всероссийской выставке в С.-Петербурге	24
картина, представляющая весьма молочную корову голландской породы и разные формы молочного зеркала по системе Генона	1
картина, изображающая анатомическое строение коровьего вымени (в 1/2 натуральной величины) по исследованиям профессора Фюрстенберга	1
картина, изображающая в различных положениях черепа коров пород подольской, великорусской и альгауской	2
картины, напечатанные на бумаге, разрисованные красками и наклеенные на картон, представляющие разных домашних животных	50
рисунки на клеенке, представляющие разрезку туши вола, телят и свиных на сорта мяса, принятую в С.-Петербурге и Лондоне	6

Много иных экспонатов было в кабинете зоотехнии. Он был оснащен первоклассным по тому времени оборудованием и приборами: «шерстомеры Доллонда, Граверта, Фромана, Бёма и Пабста; два микроскопа, одна камера люцида, лактоскопы Фогеля и Тромера; молочный волчок Дёрфеля, галактометр Крокера, лактоденсометр Шевалье, лактобутирометр Маршана, лактосахарометр Шевалье и Ревеля, аппарат для определения количества казеина в молоке профессора Манья; маслбойки разных конструкций, корнерезки, соломорезки, зернодробилки и проч.».

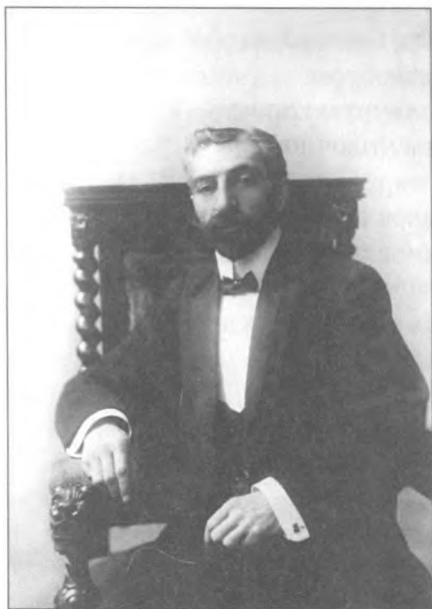
В ведении Чернопятлова находились и использовались при проведении практических занятий пасека (50 семей) с питомником медоносов; шелководня, где шло выращивание коконов с использованием деревьев разных пород; рыбное хозяйство.

Профессор Чернопятков много занимался общественной и просветительской деятельностью, особенно в МОСХ. Он часто привлекался в качестве эксперта на разного рода сельскохозяйственные и животноводческие выставки.

Его заслуги перед страной и наукой отмечались наградами царя, ВЭО, МОСХ, различными выставками.

Грустно сознавать, что российское животноводство не преуспело, хотя и располагало столь обстоятельными трудами крупного ученого. И дело здесь не только в том, что в своем отечестве пророков нет, а и в причинах традиционной невосприимчивости российского сельского хозяйства к прогрессивным новациям.

И. Б. Ауэрбах

Иван Богданович Ауэрбах (1815-1867) — геолог, профессор, преподаватель минералогии и геогнозии Петровской академии с 1865 г. Родился в Москве в семье аптекаря. В 1833 г. окончил курсы фармацевтических наук при Московской медико-хирургической академии с получением степени кандидата медицины, а через два года — степени провизора. Был награжден серебряной медалью «За превосходные успехи в науках» [20, с. 177].

Но аптекарское поприще не устраивало Ауэрбаха. Он продал свою аптеку и поехал получать образование в Европу. В Берлине изучал минералогию у Вейса и Розе. Вейс являлся выдающимся минералогом и кристал-

лографом своего времени. С его именем связывают развитие минералогии как науки. Розе также считался видным минералогом и геологом. Помимо того, что Розе был профессором берлинского университета, он еще и руководил минералогическим музеем. Им была установлена кристаллохимическая система минералов. У этих профессоров прошли обучение многие минералоги из разных стран, в том числе Ауэрбах. Он также занимался химией у профессора Рамельсберга. Кроме Германии, побывал во Франции и Италии. В 1840 г. был удостоен звания доктора философии в Йенском университете.

В целях изучения минералогических запасов России предпринимал поездки в ряд ее регионов (Урал, Финляндия, Каспийская степь). Провел

геологические исследования горы Богдо в Прикаспии, оставив богатое описание результатов проделанной работы (самый значительный его труд — «Гора Богдо»). Самостоятельно и в сотрудничестве с другими авторами им написаны работы о тульском каменном угле, клинском песчанике и хотьковском меле, о «московском юре». Есть другие труды. Более всего публиковался Ауэрбах в «Бюллетенях Московского общества любителей естествознания».

С 1853 г. Ауэрбах преподавал минералогию и геогнозию в Константиновском межевом институте. В 1861 г. был утвержден хранителем минералогического музея в Московском университете. В июне 1865 г. назначен экстраординарным профессором по кафедре Минералогии и Геогнозии в Петровскую академию.

К этому времени Иван Богданович был широко известен в научных и педагогических кругах России.

Много места займет только перечисление тех обществ, в которых состоял и работал Ауэрбах. В 1842 г. он был избран действительным членом, а в 1851 г. — вторым секретарем Императорского Московского общества испытателей природы. В 1850 г. стал действительным членом Императорского Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге и тогда же — действительным членом Немецкого геологического общества в Берлине. В 1858 г. — член Французского геологического общества в Париже. Кроме того, Ауэрбах состоял членом и членом-корреспондентом Императорского минералогического общества, общества садоводов в Москве и Санкт-Петербурге, МОСХ, Общества акклиматизации животных и других обществах, в том числе зарубежных.

Высокий авторитет Ауэрбаха среди научной общественности, личное знание его Николаем Ивановичем Железновым подвигли последнего приложить усилия, чтобы заполнить ученого в Академию.

Еще задолго до ее открытия он писал в Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ: «Петровская земледельческая Академия тогда лишь может оправдать справедливые ожидания публики и приблизиться к цели, которую правительство имело при ее учреждении, когда при самом ее открытии преподаванию дано будет настоящее, основательное направление, когда слушатели не будут довольствоваться одними поверхностными знаниями, одним слушанием лекций, но убедятся, что только собственные занятия ведут к прочному усвоению изучаемых предметов. Такой цели можно достигнуть... приглашением в Академию отличных профессоров» [137, лист 4].

Сделав такое вступление, Железнов далее сообщал Департаменту, что с некоторыми профессорами уже решено, в том числе с Ильенковым, Делла-Воссом, Соколовским, Цветковым, но многие вакансии оставались свободными. И Железнов продолжал: «Считая моей обязанностью содей-

ствовать дальнейшему выбору профессоров, позволяю себе указать департаменту на те личности, которые по их знаниям и опытности в преподавании составляют верное ручательство», что будут успешно вести дело. Первым в списке этих «личностей» стоял Иван Богданович Ауэрбах.

13 декабря 1864 г. Железнов писал в Департамент сельского хозяйства, что «гг. Ауэрбах и Захаров изъявили желание перейти на службу в Академию... им... было присвоено звание экстраординарных профессоров с назначенным предписанием содержанием 1800 р...» [Там же, лист 52].

Казалось бы — минералогия не могла являться ведущей дисциплиной в сельскохозяйственном высшем учебном заведении. Но когда Ауэрбах заявил на заседании Совета (14 июля 1865 г.), что для прочтения курса минералогии ему потребуется тридцать лекций (по две лекции в неделю), а по геогнозии и петрографии — сорок лекций, то был понят другими профессорами.

И хотя преподаваемый Ауэрбахом предмет был далеко не главным для Академии, его лекции хорошо посещались слушателями, при том, что это не считалось для них обязательным.

Рассказывая о начальном периоде работы Академии, мы приводили цифры — каким преподаваемым предметам отдавалось предпочтение слушателями, выбиравшими, что сдавать. Здесь отметим, что в 1868 г. геологию сдали 19 человек, минералогия — 20. Чуть большее число слушателей выбрало физику и метеорологию. А по другим предметам картина была такой — дисциплины, имеющие отношение к животноводству, сдали 10 человек, земледелие — один, практическую механику — два и т.д.

Разработанный и прочитанный Ауэрбахом в Академии курс лекций, будучи изданным отдельной книгой, использовался в преподавании минералогии и геологии, в других учебных заведениях.

Влияние Ауэрбаха на академическую жизнь выходило далеко за рамки преподаваемого им предмета. Например, казалось бы, что за дело профессору минералогии до академической фермы, где ведется земледелие и содержатся животные? А он, выступая на совете Академии, «заявил, что в проекте устава, по его мнению, отношения фермы к Академии определены весьма неясно и что необходимо во избежание могущих последовать столкновений выяснить этот предмет более положительным образом. То же мнение заявил А.П. Степанов...» [36, с. 10].

И ведь прав оказался профессор Ауэрбах, прогнозируя проблемы в отношениях между фермой и Академией, о чем мы и говорим ниже.

За свою жизнь Ауэрбах накопил богатейшую коллекцию по преподаваемым им предметам. После смерти ученого эта коллекция по его завещанию была передана в дар Академии. В ней имелось: 4415 минералов, 90 метеоритов, 780 образцов горных пород, 125 видов мраморов, 2912 ископаемых животных, 230 растений, 110 раковин пресноводных и морских слизней, 500 моделей кристаллов, 800 томов книг 600 названий.

Александр Иванович Бабухин (1835-1891) имеет большие заслуги перед отечественной и мировой наукой в области гистологии и физиологии. Родился в Орловской губернии, где окончил гимназию. Получил образование на математическом и медицинском факультетах Московского университета, по окончании которого в 1859 г. остался там работать (сначала на кафедре сравнительной анатомии, потом — физиологии). После защиты докторской диссертации (1862) на тему «Об отношении блуждающего нерва к сердцу» более двух лет обучался и работал за границей. В Вюрцбурге его учителем был знаменитый Генрих Мюллер, приобретший большую известность исследованиями

А. И. Бабухин

микроскопической анатомии глаза; в Вене — не менее авторитетный Эрнст-Вильгельм Брюкке, профессор физиологии и микроскопической анатомии, автор многих работ по зрению, кровообращению, пищеварению, органам речи и др. В Лейпциге Бабухин обучался у профессора Людвиг.

По возвращении из-за границы был назначен профессором гистологии Московского университета. Приобретенные знания и навыки в работе с лучшими профессорами нашли свое развитие в последующей деятельности Бабухина.

Он активно занимался исследованиями электрических явлений в организмах рыб, органов, вырабатывающих электрические разряды. Над этой темой работал постоянно. А в 1876 г. совершил даже специальную длительную поездку в Египет, где имелся богатый материал для ученого. Результатом его деятельности в этом направлении стало исследование «Электрического органа рыб». Тема электричества интересовала Бабухина и вне связи с рыбами. В 1869 г. в «Трудах II-го съезда русских естествоиспытателей» была напечатана его работа «О развитии и значении электрического аппарата у торпеды».

Бабухин являлся виднейшим ученым по анатомии глаза, чему способствовала и его длительная подготовка за рубежом и активная научная деятельность на родине.

Им были написаны разделы о глазном хрусталике и органах обоняния классического руководства по гистологии, изданного в Германии.

Бабухин обнаружил и описал феномен *аксон-рефлекса* (способности нерва проводить возбуждение в обоих направлениях); изучил электрические органы у рыб. Им был сконструирован «бабухинский штатив» к микроскопу и другие приборы.

Он — основоположник московской школы бактериологов, начало которой исчисляется с образования Бабухиным бактериологической лаборатории.

В Александре Ивановиче великолепно сочетались качества ученого-исследователя с весьма широким кругом интересов и направлений деятельности, писателя и педагога. Он часто публиковался в «Московской медицинской газете», в трудах Физико-медицинского общества, в других отечественных и зарубежных изданиях (среди последних особенно нужно отметить немецкие естественно-литературные журналы).

Современники ученого указывают на его выдающиеся качества лектора, педагога. А.Л. Леонтович писал о нем: «Как преподаватель, Бабухин, несмотря на недостатки дикции, пользовался большой популярностью; на первую его лекцию, посвященную какому-нибудь общему философскому вопросу, сходились обычно студенты всех факультетов. Характерной особенностью Бабухина были, с одной стороны, глубокая вера в естествознание и его всемогущество, с другой — критическое и даже скептическое отношение к целому ряду современных научных теорий; он беспощадно развенчивал перед аудиторией «даже всеми признанные авторитеты».

Факт попадания Бабухина еще при жизни в число персоналий одной из лучших в мире на то время энциклопедий (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) говорит о его признании как видного ученого и педагога. Мы сошлемся на это издание в оценке преподавательского таланта Бабухина: «Лекции его пользуются большою популярностью благодаря делаемым на них широким сравнительным обобщениям по эмбриологии, гистологии и сравнительной анатомии, а равно и указаниям на физиологическую сторону» [144, полутом 4, с. 614].

Появление столь образованного, нравственно безупречного, авторитетного в отечественных и европейских научных кругах ученого среди первых профессоров Петровской академии, конечно, усиливало научно-педагогический потенциал и престиж учебного заведения.

На примере Бабухина мы видим универсальность ученого того времени, занимающегося исследованиями в областях анатомии и физиологии как человека, так животных и рыб, и преподаванием этих предметов во всем их многообразии.

Очевидно, долгое время в Академии не могло наладиться последовательное чтение предметов. Не только в смысле их очередности, обеспечивающей преемственность и хорошую усваиваемость различных наук. И внутри отдельных дисциплин расстановка тех или иных тем по семестрам тоже не сразу была сделана в соответствии с логикой преемственности. А если учесть, что при этом посещаемость слушателей являлась свободной, то можно представить, как сложно было профессору вести занятия, рассчитывая на успех. Мы продемонстрируем трудности, испытываемые Бабухиным в чтении лекций по физиологии. Заодно покажем — а что же, собственно говоря, он преподавал. Сошлемся для этого на Годичный акт Академии за 1870 г.: «В 1868 г. курс физиологии животных для слушателей IV семестра начался с января месяца и до конца первого полугодия профессор Бабухин прочел, соответственно программе, мышечную и нервную физиологию, физиологию пищеварения с разбором отделений органов, примыкающих к пищеварительному аппарату, наконец, физиологию всасывания.

По программе курс физиологии должен быть оканчиваем в течение двух полугодий, а потому предполагалось о кровообращении, дыхании, отделениях и размножении прочесть во второе полугодие; но это представило бы значительные неудобства, ибо подобный порядок не совпадал бы с нормальным расписанием, по которому лекции физиологии должны посещать слушатели III и IV семестров, а потому с началом академического года слушателям III семестра пришлось бы начинать слушать физиологию со середины, а в IV семестре дослушивать общую физиологию, которую собственно должен начинаться курс.

Для восстановления порядка можно бы было во второе полугодие 1869 г. снова начать курс физиологии; но тогда значительное число слушателей, посещавших лекции первого полугодия, должны бы были слушать еще полгода то же самое, а потому было решено продолжать курс и окончание его перенести на весенний семестр 1870 г.; с начала же осеннего семестра этого года чтение курса начать совершенно правильно и соответственно нормальному расписанию. На основании таких соображений в осеннем семестре 1869 г. была прочитана физиология кровообращения и дыхания в более обширном размере, физиология же отделения и размножения перенесена на первое полугодие 1870 г.» [18, с. 31-31].

Для преподавания таких предметов, как анатомия и физиология, требовались в большом числе всевозможные натурные образцы, препараты, приборы, чтобы можно было подкреплять лекции наглядными демонстрациями. Но, к сожалению, физиологический кабинет укомплектовывался всем необходимым медленно, и Бабухин, пользуясь тем, что являлся одновременно профессором Московского университета, «в необходи-

мых случаях... нередко прибегал к заимствованию аппаратов университетского зоологического института» [Там же, с. 32].

В этой связи подчеркнем тесную связь профессоров Петровской академии с учеными Московского университета. Эти два высших учебных заведения были своего рода сообщающимися сосудами. Одни профессора работали одновременно в обоих вузах, другие пришли в Академию из университета, третьи ушли из Академии в университет. Очевидно, такой симбиоз приносил пользу обеим высшим школам.

Я. А. Борзенков

Получив предложение преподавать зоологию в Петровской академии, Борзенков согласился, но при условии, что он останется работать в Московском университете. В связи с чем между Департаментом сельского хозяйства и директором Академии шло длительное согласование такого условия.

9 марта 1865 г. Департамент запросил от Железнова информацию по «исполняющему должность Адьюнкта Московского университета Борзенкову... согласен ли Борзенков принять на себя чтение лекций по зоологии и с каким вознаграждением за этот труд» [137, лист 74].

Очевидно, были проблемы по поводу вознаграждения Борзенкова, в связи с тем, что он готов был работать только по совместительству.

Директор Академии на запрос Департамента отвечал: «...конечно, г. Борзенков не может посвятить всей своей деятельности Академии, но

Яков Андреевич Борзенков (1825-1883) первоначальное образование получил в Ришельевском лицее, а затем закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где стал преподавать зоологию и сравнительную анатомию на медицинском факультете. С 1860 г. — адьюнкт на кафедре сравнительной анатомии и физиологии физико-математического факультета.

В течение 1862-1864 гг. был в заграничной командировке, учился у европейских профессоров. Преимущественно у Кёлликера и Мюллера в Вюрцбурге. Там, в записках вюрцбургского зоологического общества, печатал свои труды.

тем не менее на него возлагается преподавание зоологии во всем объеме этой обширной и весьма важной в сельском хозяйстве науки» [Там же, лист 75]. Далее директор говорит, что многие профессора, получая полную ставку, работают ничуть не более. Кроме того, поскольку «...происходят немаловажные потери времени, происходящие от отдаленности Академии от Москвы, то справедливо было бы назначить г. Борзенкову полный оклад экстраординарного профессора (1800 р. — *Авт.*)... Хотя Борзенков и не сделал замечаний на мое предложение о получении 1200 р..., я присоединил, что содержание это... наименьшее и что возможно оно будет увеличено» [Там же].

Вопрос с оплатой труда Борзенкова в конце концов разрешился. На Совете Академии 29 сентября 1865 г. «читан ответ Департамента сельского хозяйства... на представление Председателя (директора Академии. — *Авт.*)... об увеличении содержания г. Борзенкову вместо 1200 р. до 1350 рублей. Департамент представляет решение этого вопроса Совету, так как по постановлению г. Министра выдача вознаграждения г. Борзенкову начнется со дня открытия Академии, когда Устав будет утвержден» [36, с. 18].

Как уже сказано, 1350 руб. — это половина ставки ординарного профессора. Столько получал профессор Борзенков, остававшийся профессором Московского университета и преподававший по совместительству в Петровской академии.

Все это рассматривается для того, чтобы дать более полное представление читателю об оплате труда профессоров вообще и работающих в Петровской академии в частности. В том числе — об оплате совместителей.

Борзенков читал в Академии два курса — зоологию и сравнительную анатомию. По обоим из них имелись богатые коллекции пособий, используемые при проведении занятий.

К началу 1870 г. зоологическое собрание включало [18, с. 30-31]:

млекопитающих	51	
птиц (чучел и шкурок)	717	
птичьих яиц		127
птичьих гнезд		34
амфибий и гадов	83	
рыб		87
насекомых		14 620
ракообразных		58
паукообразных		187
тысяченок		19
червей		201
моллюсков головоногих	3	
брюхоногих		388
безголовых		139
животных лучистых		69
низших		16

образцов растений, поврежденных насекомыми, гнезда и коконы насекомых	71
коллекции личинок и куколок насекомых в спирту	148

Итого экземпляров 17 018

В анатомическом собрании:	
инструментов	20
препаратов микроскопических	71
скелетов цельных	30
несобранных	3
череповцельных	32
разобранных, распиленных	7
отдельных костей	75
кишечного канала и его частей	17
системы кровообращения и дыхания	5
нервной системы	13
мочевых и половых органов	11
из папье-маше	9
членистоногих животных	5

Всего экземпляров 278

Наличие такого богатого иллюстративного материала способствовало лучшему усвоению слушателями преподаваемых профессором Борзенковым предметов.

Работая в Московском университете и Петровской академии, Борзенков поддерживал контакты с заграничными научными центрами и их профессорами. В 1870-х годах трижды, во время студенческих летних каникул, выезжал за границу (в Италию), где занимался анатомией морских животных.

С разрывом в год (1869 и 1870) Борзенков защитил магистерскую и докторскую диссертации. В 1872 г. он оставил Петровскую академию, сосредоточившись на научной и преподавательской деятельности в Московском университете.

Наиболее значительные его труды, внесшие ценный вклад в науку, — «Чтение по сравнительной анатомии», «Исторический очерк направлений, существовавших в зоологических науках в 19 столетии».

Борзенков создал музей и библиотеку в кабинете сравнительной анатомии университета.

«Характернейшей чертой научной деятельности Я.А. Борзенкова было развитие теоретического направления в зоологии и сравнительной анатомии. Он был противником описательной зоологии и сторонником глубокого осмысливания фактического материала для построения широких обобщений» [100, с. 316].

Виктор Егорович Графф (1820-1867) «был необыкновенный человек, проживший короткую и полную лишений жизнь, отданную без остатка делу создания лесов в экстремальных условиях» [13, с. 32]. И далее мы будем ссылаться на эту книгу, за что выражаем признательность авторам.

После окончания в 1841 г. Санкт-Петербургского лесного и межевого института, а затем и офицерского класса этого института, имея за плечами двухлетний опыт работы в Лисинском учебном лесничестве и в Казанской губернии, поехал в степную Екатеринославскую губернию на должность подлесничего. А

В. Е. Графф

затем стал лесничим. Графф, как и другие профессора Петровской академии, был командирован на стажировку за границу (Саксония, Пруссия, Бавария). На Велико-Андольской пустоши (территория нынешней Донецкой области Украины) он подобрал участок площадью в 2570 десятин и занялся его облесением. 23 года жизни посвятил этому делу В.Е. Графф.

О начале работ он писал: «Волы с плугами вывезли на участок. Священник отслужил молебен и после троекратного многолетственного пения Государю нашему императору Николаю Павловичу всея России и попечительному начальству, священник благословил людей, животных и землю, плуги двинулись, провели несколько борозд и тем положено начало образцовому лесоразведению в степях Екатеринославской губернии» [Там же, с. 33].

Не будет преувеличением назвать миссию, выполненную В.Е. Граффом на российской (украинской) земле, подвижнической.

Во-первых, он взялся «доказать возможность разведения леса в условиях безводной степи, подобрать опытным путем наиболее пригодные и ценные для этого древесные и кустарниковые породы». И доказал.

«Облесил в ковыльной сухой степи около 140 десятин (154 га), заложил питомник на площади около 55 га, где выращивали 30 видов древесных и 40 видов кустарниковых пород».

Авторы цитируемой работы считают, что «впервые не только в России, но и в мире, в экстремальных природных условиях, в сухой степи... были выращены лесные насаждения...» [Там же, с. 40]. Возможно, мировая практика и знала подобное, но приоритет лесонасаждений в безводной степи Российской империи безусловно принадлежит Граффу.

М. К. Турский

Высоко отзывался о совершенном Граффом, осмотрев в 1884 г. его 40-летние посадки, М.К. Турский: «Обозревая самые старые участки, на вид совершенно здоровые, тенистые, прохладные, с полными свежими стволами, годные уже на местные постройки, преклоняешься перед силой человеческого разума и настойчивости, которые отвоевали в степи место и заселили в нем лес. Этот лес надолго останется памятником той смелости, той уверенности и любви, с какой впервые взялись за облесение степей. Да,

нужно было много любви к лесу, чтобы довести до конца это дело. Рассказывают, что покойный Графф, уезжая в Москву на должность профессора, обнимал выращенные им деревья, прощаясь с ними как с детьми своих многолетних забот и волнений...» [Там же, с. 37].

Уже будучи профессором Петровской академии, он произвел посадки на ее территории, взяв семена из Велико-Анадолы. Оттуда же перекочевали в Академию и модели орудий, применяемых Граффом при разведении лесов в степи. И вообще, лесничество, в котором он работал, использовалось в качестве базы Петровской академии.

Говоря о подвижничестве, нужно иметь в виду не только сделанное человеком, но и то, в каких условиях это делалось. Графф писал в 1863 г.: «Без малого 12 лет мы кочевали как цыгане; я жил в деревне за 15 верст от места занятий (в с. Новотроицком) в душной сырой квартире и при самых нечеловеческих лишениях. Мальчики (т.е. воспитанники школы лесников)... были стиснуты на месте культур в жалкой землянке и без всякого надзора. Все имущество и рабочий скот пропадали на открытом воздухе. Трудно описать все испытанные нами в тот период времени неудобства и страдания. Все это выше всякого описания. Не раз приходилось нам с семейством оставаться без чаю и сахару, без свечей, порядочного хлеба, без сапог и башмаков. Все бедствия часто усиливались безденежьем по невысылке денег в течение 5-7 месяцев» [Там же, с. 35].

В чем-то сказанное, увы, типично для российского интеллигента не только того времени, но и других периодов, в том числе нынешнего.

Добавим к этому враждебное отношение населения к проводимым работам. Крестьяне смотрели на лесопосадки, как на бессмысленные чудачества. Кроме того, они обязаны были обрабатывать на них бесплатную повинность. Не было большого интереса и во властно-чиновничьих сферах, почему и столь скудным было финансирование.

Все это дает основания говорить о сделанном Граффом как о жизненном подвиге.

Интересы ученого не ограничивались только лесным делом... Он впервые описал ряд насекомых и открыл несколько новых растений. В его честь был назван один из видов ковыля.

«Он страстно любил ботанику и находился в переписке с известными в этой области учеными Х.Х. Стевенем, Н.С. Турчаниновым, Ф.Б. Фишером, К.А. Майером и др. К сожалению, он не успел опубликовать результаты своих работ по систематике древесных родов (ильм, ясень, боярышник, ивы)» [Там же, с. 39].

Для руководителей вновь открывающейся Академии было лестно получить в сотрудники человека, который учил бы юношество не только лесному делу, но и служил для него примером выполнения гражданского долга, высокой нравственности.

Директор Академии Железнов, приглашая Граффа стать профессором и преподавать лесное дело, писал ему 14 сентября 1865 г: «...В России мне известны только два лица, способные образовать дельных, практических лесничих: Вы и Граф Варгас де Бедемар. Я обращался к последнему, зная его лично и убедившись в его отличных сведениях и опытности по устройству лесов в северной России, но он решительно отклонил от себя мое приглашение по той причине, что не чувствует себя способным к преподаванию. Мне остается обратиться к Вам, м.г., которого я знаю только как отличного лесовода, оказавшего значительные услуги лесоводству. Если и Вы откажетесь, то приготовление в России хороших русских лесничих, обязанность, которая отныне возложена на Петровскую Академию, я буду понимать делом сомнительным и пользу, которую должна принести Академия отечественному просвещению, отодвинутую в дальнее будущее» [137, лист 105].

Очень близко к сердцу принял это предложение Графф и после длительного размышления дал согласие. 23 октября 1865 г. он отвечал директору Академии:

«...Предлагаемое Вами дело, вполне согласно с моим призванием, и потому выбор Ваш верен. Предмет, Вами предложенный, и дело, которому служу я здесь, в моем понятии равносильны: и там, и тут цель одна — служить делу, народу, науке.

...несмотря на всю строгость моих понятий об обязанностях наставника и ответственности его пред делом и народом — я принимаю Ваш вызов и соглашаюсь на предложение ваше...

...мне предстоит перенести тяжкую разлуку с местом, где употреблено мною 23 труженических года на дело, мною любимое, которому я поклонялся, как идолу и которое я основал, развил и привил в пустыне.

...Необходимым считаю сообщить Вам о тех предметах, преподавание которых я могу принять на себя. Я принимаю на себя преподавание лесовозвращения и лесовозобновления (неправильно называемое лесоводством) и дендрологии (так же ошибочно называемое лесной ботаникой) — если только будет это согласно с Вашими предположениями» [Там же, лист 105].

Виктор Егорович возглавил кафедру лесоводства Академии, был утвержден в звании ее профессора и много добрых дел успел сделать в этом качестве. Хотя и слишком мало времени ему было отпущено.

Активная гражданская позиция Виктора Егоровича реализовывалась во многих добрых делах и инициативах. Получив положительные результаты от работы организованной им школы лесников (через которую за государственный счет прошли обучение 120 воспитанников), Графф подготовил записку на имя министра Государственных имуществ с проектом «Положения об учреждении учебных степных лесничеств». На его основе было утверждено «Положение о Велико-Анадольском степном лесничестве». Им была разработана и направлена в Лесной департамент «Инструкция по управлению степным лесничеством и вообще о древовозвращении в южных степных губерниях России».

Графф входил в состав комиссии, возглавляемой Н.И. Железновым, которой было поручено разработать меры, способствующие подъему отечественного сельского хозяйства.

Свою подвижническую просветительскую миссию он выполнял и активно работая в ВЭО, Обществе акклиматизации, МОСХ, Обществе сельского хозяйства Юга России.

Виктор Карлович Делла-Восс (1829—1890) родился в Одессе, в этом удивительном, ни на какой другой не похожем городе, где как в многонациональном котле, перемешиваясь и переплавляясь, сложился самобытный тип одессита. Необычность ситуации состоит хотя бы в том, что в детстве (до семи лет) он вообще не знал русского языка и говорил только по-итальянски, а впоследствии стал его преподавателем. Вроде бы так, всего лишь штрих, но как он характеризует человека. По окончании Московского университета Виктор Карлович получает ученую степень кандидата математических наук и одновременно сдает экзамен по сельскому хозяйству, что можно объяснить тем, что он родился в семье землевладельцев, и сельская жизнь ему была близка и дорога. Многосторонность подготовки, универсализм ученых и педагогов были делом обычным для середины XIX века. Но что касается Делла-Восса, то эта многосторонность представляется чрезмерной даже с учетом специфики того времени.

Работая после окончания математического отделения университета, он преподавал в Одесском училище садоводства одновременно математику, физику, геодезию и... русский язык. Кроме того, тогда же читал лекции и в Одесском Ришельевском лицее.

Еще в Одессе, будучи в относительно скромной должности преподавателя далеко не университетского уровня, Делла-Восс заявляет о себе как о личности творческой, неординарной. Он подготовил и выпустил в 1860 г. «Собрание физических задач для воспитанников средних учебных заведений».

Ну а дальше в его биографии мы видим то же, что проходили другие русские ученые, прежде чем стать профессорами в российских университетах и в Петровской академии. Он на четыре года (1860-1864) поехал в заграничную командировку. Командировка оказалась чрезвычайно плодотворной — слушание лекций у лучших профессоров европейских университетов, занятия в библиотеках, работа на машиностроительных за-

В. К. Делла-Восс

водах, посещение музеев и выставок, наблюдение за работой сельскохозяйственной техники непосредственно в имениях и на фермах, участие в научных дискуссиях, писательская работа (известно его «Описание учебного отдела Лондонской выставки отдела с.х. машин», датированное 1862 г.). Все это сформировало хорошо подготовленного к преподаванию инженерного дела специалиста.

Надо отдать должное кадровой службе (если, конечно, она существовала в нынешнем понимании этого слова), которая отбирала перспективных молодых людей по всей России, направляла их на длительное обучение за границей и затем расставляла по учебным заведениям.

Ведь надо же было заметить одессита со столь необычной для русского восприятия фамилией и послать на четыре года за границу. Равно как увидеть в периферийном преподавателе будущего ученого и организатора российской науки.

По возвращении из-за границы Виктор Карлович был утвержден профессором механики Петровской академии, в этом качестве он пребывал до 1872 г. Одновременно (с 1867 г.) он стал директором московского

Ремесленного учебного заведения, через год названного Императорским московским техническим училищем (впоследствии — знаменитое Высшее техническое училище им. Баумана). Будучи профессором Петровской академии с первых ее дней, Делла-Восс много сделал по усвоению инженерных знаний студентами и распространению их среди земледельцев и землевладельцев. В том числе — через активную деятельность в ВЭО. Не случаен тот факт, что именно он вместе с И.А. Стебутом был избран депутатом от Петровской академии на торжества в связи со столетним юбилеем этого общества.

Для Делла-Восса были очевидными причины традиционного отставания российского сельского хозяйства, и он видел свою миссию не только в несении конкретных инженерных знаний, но и в просвещении всех слоев населения, имеющего отношение к сельскому хозяйству, и даже в преобразовании общественных отношений. Он писал:

«Возможность пользоваться доходом с земли, с малой затратой или без всякой затраты денежного оборотного капитала, который заменялся даровым обязательным трудом крестьян — не наталкивала огромное большинство наших помещиков в течение целых столетий на изучение и изыскание надежных экономических способов к упрочению и увеличению доходности их земель» [26, с. 178].

Кроме того, абсолютное большинство дворян обязано было служить «...и если впоследствии многие из них возвращались в свои родные или вновь дарованные им вотчины, то, разумеется, не для занятий сельским хозяйством или для изыскания новых рациональных способов к увеличению земельной доходности, а скорее для спокойной жизни, для излечения своих нравственных и физических недугов и часто вследствие расстроенного материального состояния.

...Помещики не только не могли считаться носителями сельскохозяйственных научных знаний или таких же рациональных практических сведений, но они... отличались, в большинстве случаев, полным невежеством в этой важной и существенной... отрасли знаний...

Вот почему новая эра труда, новое социальное положение застигли их совершенно неподготовленными, не вооруженными ни опытом, ни знаниями, в положении полной беспомощности» [Там же, с. 179].

Много преуспел Делла-Восс в формировании инженерной мысли России, в подготовке инженерных кадров и просветительской деятельности. В.П. Горячкин писал о нем: «Деятельность В.К. Делла-Восса замечательна по организации преобразования Московского технического училища, где постановка преподавания мастерства приобрела всемирную известность, по организации в 1872 г. Политехнической выставки и Музея в качестве председателя физического отдела Общества любителей естествознания в основании при Московском техническом училище Политех-

нического общества в 1877 г., где состоял первым президентом... Как человек, В.К. Делла-Восс был крайне отзывчив к нуждам учащихся, рабочих и слушателей».

После Технического училища Делла-Восс работал в Министерстве путей сообщения, где занимался вопросами обучения, библиотечным делом, техникой безопасности и др.

Алексей Петрович Захаров (1830-1899) — выходец из мещан Лифляндской губернии.

После окончания школы межевых топографов (1846) начал службу младшим чертежником в Межевом корпусе. Потом стал старшим чертежником, топографом первого класса, а в 1855 г. получил первый офицерский чин прапорщика (Межевой корпус считался военным ведомством, и его служащие имели соответствующие знания).

В 1855 г. Захаров был направлен в длительную командировку в Сибирь в составе целой экспедиции для составления карты Горно-Алтайского округа. Задание было успешно выполнено, о чем говорил в 1857 г. управляющий Межевым корпусом: «Государь император рассматривал черновые планы съемки, произведенной Алтайской экспедицией, и изволил остаться исполнением их совершенно доволен» [132, лист 13].

До 1865 г. прослужил Захаров в Межевом корпусе, получая повышения в чинах и награды (в 1860 г. был награжден Орденом Св. Станислава 3-й степени).

Начальство отмечало в послужном списке: «Офицер этот к повышению чином аттестуется достойно и случаям, лишающим его права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался» [Там же, лист 14].

В июне 1865 г. Захаров был переведен в Петровскую академию «исполняющим должность профессора по кафедре Геодезии».

Несмотря на относительно невысокий на момент перевода чин (поручик), Захаров был знаком руководству Министерства Государственных имуществ, что следует из сообщения директора Департамента сельского хозяйства по поводу назначения его на профессорскую должность: «При

А. П. Захаров

личном докладе... г. Министру... об определении состоящего при Константиновском межевом институте инженер-поручика Захарова в должность профессора Геодезии Петровской Земледельческой Академии, его превосходительство г. Министр, зная лично г. Захарова с лучшей стороны, изволил изъявить согласие...» [Там же, лист 6].

Очень хорошо показал себя Захаров, работая в Петровской академии, что явилось основанием для назначения его деканом (1881). В 1890-1894 гг. был директором Академии. Имел высший из чинов, которого удостаивались работники Академии — действительного статского советника. Награжден несколькими орденами. В 1877 г. получил пенсию в размере 1500 руб. в год с сохранением должностного оклада.

Избирался присяжным заседателем Московского суда.

Несмотря на вольность слушателей, свободу посещения ими занятий, на лекциях Захарова народ был всегда. Помимо теоретических занятий, много внимания уделялось практике. Особенно — черчению. Два-три часа в неделю слушатели занимались черчением вместе с профессором, кроме того, имели возможность работать в чертежном зале самостоятельно.

Обучающиеся, разумеется, те, кто хотел, приобретали основательные знания и навыки в искусстве черчения и пользовании геодезическими приборами. Лекции и практические занятия проводились в прекрасно оборудованном, насыщенном приборами и учебными пособиями кабинете. На начало 1870 г. в кабинете имелось [18, с. 25]:

эккеров	8
буссолей	7
астролябий, понтометров и других угломерных инструментов	20
мензул	18
кипрегелей и дальномеров	7
нивеллиров	18
реек	16
измерителей площадей	8
пантографов	4
инструментов и пр. для измерения и обозначения линий в поле	227
чертежных и других инструментов	320
чертежей для лекций	16

Важным направлением практических занятий со слушателями являлась работа на местности с использованием всевозможных геодезических приборов. Поскольку желающих обучаться у Захарова было много (их число в летнее время доходило до 60), их делили на группы по пять

человек. Результатом, венчающим полевые работы для слушателей, были выполненные ими планы местности и ее профили.

Николай Николаевич Кауфман (1834-1870) после окончания гимназии обучался в Московском университете. Среди его учителей был известный русский зоолог и доктор медицины Карл Рулье (потомок переселившихся в Россию французов). Рулье, помимо того, что был профессором Московского университета, являлся первым директором Комитета акклиматизации животных и растений. Издавал журнал «Вестник естественных наук» при обществе Испытателей природы. Кауфман стремился не пропускать лекции этого популярного профессора, прививавшего любовь молодежи к естественным наукам.

Н. Н. Кауфман

По окончании учебы Кауфман преподавал естествознание в одной из московских гимназий, а в 1860 г. (в 26 лет) стал профессором, руководителем кафедры морфологии и систематики растений в Московском университете.

Еще будучи студентом, он начал исследовать и систематизировать растительный мир Московской и прилегающих губерний, мало изученный на то время. Результатом десятилетнего труда молодого ученого стала докторская диссертация «Московская флора», представлявшая собой крупный вклад ученого в естественную науку.

«Из всех сочинений Кауфмана, — говорит профессор Чистяков, — «Московская флора» заслуживает особого внимания. Кроме своих чисто научных, специальных достоинств, главное ее значение состоит в том, что она сделала доступным знакомство с растительным царством всякому желающему. Своим ботанико-географическим отделом книга эта возбудила много исследований, к величайшему удовольствию автора, значительно пополнивших его «Московскую флору». — Она стала таким образом исходной точкой занятий ботаникой для начинающих, и по своей простоте и доступности, разумеется, привела к быстрому распространению ботанических сведений. Эта одна из самых крупных заслуг покойного профессора как перед университетом, так и перед обществом» [144, попутом 29, С. 775].

Своей работой Кауфман значительно дополнил представления о растительном мире Московской губернии. В частности, из 795 цветковых растений, рассмотренных в ней, 174 были названы автором впервые. Кроме того, «во второй части книги Н.Н. Кауфман дал подробный ботанико-географический обзор Московской губернии. Здесь сообщено много новых и интересных фактов относительно распределения растений как в Московской губернии, так и вообще в средней полосе России. Впервые флора Московской губернии была разделена Кауфманом на две части, резко отличающиеся друг от друга: на собственно московскую флору и на береговую флору р. Оки» [5, с. 240].

«Московская флора» своим появлением побудила многих исследователей к написанию работ о растительном мире других регионов России. И в конце XIX века их вышло немало. В частности, по Калужской, Тамбовской, Тульской, Ярославской губерниям.

Кауфманом был написан и опубликован ряд других работ, изданных как в России, так и за рубежом, и имевших большое научное и практическое значение.

Усилиями ученого в Московском университете был создан прекрасный ботанический сад, ставший базой для ведения научной работы и занятий со студентами.

Ученых естественных наук такого уровня, как Кауфман, тем более возглавляющих университетские кафедры и уже внесших большой вклад в науку своими фундаментальными трудами, имелось в России немного. Они все, что называется, были на виду. И поэтому Н. И. Железнов, сам выдающийся ботаник, хорошо знал быстро набиравшего в научных кругах авторитет Николая Николаевича Кауфмана. Он пригласил молодого ученого читать курс ботаники наряду с собой. При этом Кауфман оставался преподавателем Московского университета, а в Петровскую академию шел совместителем. Железнов предложил ему читать половину курса ботаники, вторую половину взяв на себя и установив оклад 1350 руб. (половину ставки ординарного профессора).

В Департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ настороженно отнеслись к такому решению директора Академии, опасаясь, что занявшись сам чтением лекций, он не сможет уделять достаточно внимания руководству Академией (см. подробнее об этой коллизии в рассказе о Железнове). Из департамента спрашивали директора, что в случае, если он откажется сам читать часть курса ботаники, «то согласен ли будет Кауфман принять на себя преподавание ботаники за плату, не превышающую оклада экстраординарного профессора, т.е. за 1800 руб. в год, когда за преподавание только части предмета ему предложена плата 1350 руб. в год» [137, лист 87].

Но как Железнов не хотел отказаться от чтения половины курса ботаники, чтобы не отлучаться от любимого дела, так и Кауфман не мог взять на себя полного курса, поскольку это потребовало бы оставления Московского университета.

Разрешилось дело тем, что все-таки половину курса ботаники Железнов оставил за собой и читал ее безвозмездно. Он сообщал в Департамент сельского хозяйства: «Я предложил г. Кауфману половину содержания ординарного профессора, чтобы другая половина могла быть употреблена на приобретение учебных пособий или на вознаграждение ассистента, в котором может оказаться необходимость» [Там же, лист 88].

Николай Николаевич работал в Академии немного, но оставил о себе добрую память. В некрологе, посвященном ушедшим из жизни за десять лет профессорам Петровской академии, говорилось: «Кауфман, Николай Николаевич, принадлежа главным образом Московскому университету, преподавал Ботанику в Петровской Академии с ее открытия по декабрь 1868 г., но он много сделал для науки и без сомнения сделал бы еще и более, если бы смерть не застигла его так преждевременно: он умер 36 лет... 15 декабря 1870 г.» [20, с. 181].

Ильдефонс Казимирович Коссов (1822-1890) пришел в Петровскую академию в качестве профессора Технологии из Харьковского университета в апреле 1866 г., хотя переписка о его назначении на эту должность началась намного раньше. Несмотря на согласие директора Академии, руководства Департамента и Министерства государственных имуществ и самого Коссова, процесс затянулся из-за специфических требований претендента. Дело в том, что Коссову через три года исполнялось 25 лет его службы по учебному ведомству, и ему полагалась пенсия. Он оговаривал переход в Академию при условии, что после пенсии еще в течение пяти лет будет занимать кафедру Технологии. Министр отказал ему в такого рода притязаниях. Департамент сельского хозяйства 28 сентября 1865 г. в ответ на представление Железнова о назначении Коссова писал: «...Его превосходительство (министр. — *Авт.*) нашел желание г. Коссова неудобноисполнимым, как нарушающее правила, вошедшие в проект устава Петровской Академии...» [137, лист 102]. Но желание занять кафедру Технологии было столь велико, что Коссов в конце концов отказался от своих притязаний, и когда 23 апреля 1865 г. получил известие об избрании его профессором, написал Железнову из Харькова: «...Я в первый раз официально узнал о единогласном избрании меня в ординарные профессора Академии. Считаю

И. К. Коссов

приятным долгом почтительнейше благодарить за это, столь лестное для меня, избрание Вас и всех гг. членов Совета, принимавших в нем участие.

В настоящее время у меня есть только одно средство показать, что я высоко ценю оказанное мне гг. профессорами доверие, это — отказаться от того условия, которое не позволяло Министерству, как видно из Вашего письма, утвердить избрание [Там же, лист 126].

Понятие «сельскохозяйственная технология», профессором которой стал Коссов, — очень широкое, включало тогда в себя массу направлений, далеко отстоящих друг от друга и объединенных лишь тем, что имело отношение к сельскохозяйственной деятельности, к переработке сельскохозяйственного сырья.

Покажем, что и в какой последовательности преподавал Коссов на примере 1870 г.: «Технология излагалась профессором Коссовым слушателям V семестра (по 4 часа в неделю) и прочитано: о топливе и устройстве топок. Выщелачивание, выпарение растворов; высушивание; устройство сушилен. Перегонка, сгущение паров. Сухая перегонка вообще и особенно перегонка дерева, получение дегтя, уксусной кислоты, скипидара и прочих продуктов. Приготовление поташа и шадрика. Естественная сода. Приготовление кирпича, черепицы и дренажных труб. Обжигание известняков и употребление извести для приготовления цемента; гидравлические цементы. Обжигание гипса. В первое полугодие 1870 г. слушателям VI семестра: 1) по сельскохозяйственному отделению (4 часа в неделю) обработка льна, приготовление хлебной муки, хлебопечение; добывание крахмала и превращение его в декстрин и сахар. Сахароварение. Приготовление солода, пивоварение, винокурение. Приготовление виноградного вина. Выжимание масла. Сыроварение. — 2) по лесному отделению (1 час в неделю) — общее строение дерева, технические его свойства, предохранение деревьев от гниения. Разные роды строевого и поделочного леса; валка деревьев; обтесывание, распиливание, гнутье дерева и вообще придание ему разной формы. Сдирание коры, особенно для дубления кож и ее высушивание. Лыко. Лубья. Приготовление мочалы, рогож и циновок» [18, с. 23].

Судя по набору тем, трудно говорить о научном характере преподаваемой Коссовым технологии. Скорее в рамках этого курса излагались эмпирические знания, накопленные к тому времени производственной практикой. Один человек просто не в состоянии был знать хотя бы научные основы всего того, что им читалось. Впрочем и сами сельскохозяйственные технологии к тому времени еще не сложились в отдельные научные направления.

Коссов старался давать современные знания по всем названным технологиям, для чего внимательно следил за развивающейся отечественной перерабатывающей промышленностью и старался быть в курсе происходящего за границей. Изучал специальную литературу и периодические издания, посещал фабрики и заводы. К примеру, 1 апреля 1867 г. на Совете Академии рассматривалось прошение Коссова о получении от-

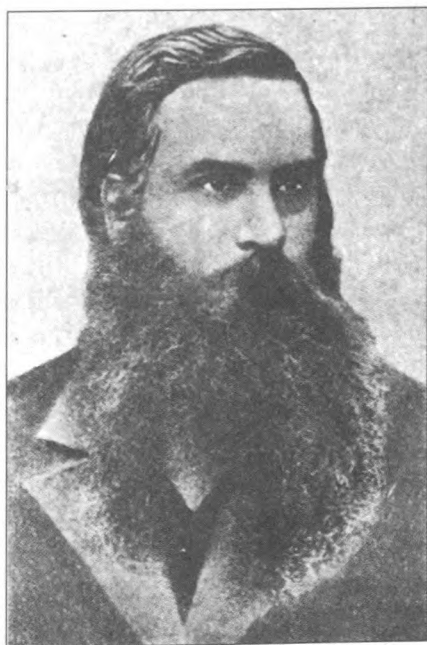
пуска и заграничного паспорта на 28 дней сверх вакационного времени «для посещения Парижской Всемирной выставки и обзора некоторых заграничных и русских заводов».

Коссов выступал с инициативами по поднятию значения и престижа Петровской академии и получал поддержку коллег-профессоров. В частности, он считал дискриминационным положение, в силу которого Академии разрешалось присваивать только степени кандидата наук, в то время как доктора — нет. В «Журнале заседаний Совета» от 8 апреля 1867 г. записано, что обсуждалось «предложение профессора И.К. Коссова, который заметил, что русские университеты, где сельское хозяйство преподается в весьма ограниченном объеме, дают однако степень доктора Сельского Хозяйства. Тем большее право давать эту степень имеет Академия, в которой этот предмет излагается в полном объеме. Совет согласился с мнением профессора Коссова и положил предоставить Департаменту исходатайствовать о предоставлении Академии права давать степень доктора Сельского Хозяйства и Лесоводства» [Там же, с. 47].

Коссов привлекался к выполнению различных обязанностей по управлению Академией, выходящих за рамки собственно учебного процесса, состоял в разного рода комиссиях. Так, в октябре 1867 г. «произведен был выбор членов в комиссию для разбора дел между слушателями Академии. Избранными оказались профессора Я.Д. Головин, А.П. Захаров и И.К. Коссов» [Там же, с. 87].

Николай Эрстович Лясковский (1816-1871), происхождения дворянского, лютеранского вероисповедания. После окончания медицинского факультета Московского университета обучался в лучших научных школах и лабораториях Европы. Его учителями были: в Германии — Юстас Либих (он работал у него вместе с П.А. Ильенковым), Розе и Митчерлих, во Франции — Дюма и Арго.

Занимаясь в лаборатории Либиха, провел исследование сыров, доказал наличие в них ряда кислот — масляной, валериановой, каприновой, каприловой. Там же работал над протеиновыми веществами, вызвав бурные дискуссии в ученом мире по результатам исследований.

Н. Э. Лясковский

По возвращении из-за границы читал лекции в Московском университете по фармакологии и фармации, одновременно занимая там же пост ученого аптекаря. Кроме того, Лясковский преподавал химию в Александровском военном училище, являлся инспектором классов Московского Елисаветинского училища.

В Петровской академии Николай Эрастович работал в 1866-1869 гг. Любопытная деталь, связанная с его назначением в Академию. Мы уже говорили, что часть профессоров была принята на работу задолго до начала учебного процесса. Они занимались обустройством, готовились к занятиям, получая при этом профессорское жалование. С Лясковским вышло по-другому. На сделанное Железновым 15 июля 1865 г. представление о назначении Департамент сельского хозяйства сообщил о согласии Министра, «но с тем, чтобы приглашение... было сделано по утверждении законодательным порядком Устава и штата Петровской Земледельческой и Лесной Академии и перед открытием лекций, так как при ограниченности денежных средств на содержание Академии в сем году, не представляется возможным производить ныне же г. Лясковскому содержания» [133, лист 2].

Но перейдя в Петровскую академию, Лясковский продолжал разностороннюю деятельность в Московском университете, о чем говорят имеющиеся архивные документы. 20 марта 1868 г. профессор обращается к директору Академии с заявлением: «...21-го числа текущего марта назначено ранее заседание университетского Совета, в котором будут происходить важные баллотировки... по этой причине я не могу в означенный день читать в Петровской Академии» [Там же, лист 7].

В наше время также распространена практика, когда преподаватель ведет занятия одновременно в нескольких учебных заведениях. Но при этом в одном месте он считается на постоянной работе, в других трудится по совместительству. Какое место было основным для Лясковского — не очень понятно. Во всяком случае ректор Московского университета обратился к директору Петровской академии с письмом (4 ноября 1868 г.), имея в виду уточнить статус своего профессора в другом учебном заведении. Он просит «о доставлении сведений, с какого времени находится на службе в Академии... Лясковский, считается ли эта служба действительной, какое он получает вознаграждение и какое имеет значение это вознаграждение — платы ли, или как штатного содержания, присвоенного известной должности» [Там же, лист 8].

Много и напряженно работал профессор Лясковский. И — заболел. О причине ухода из Академии он писал в рапорте директору Железнову: «Для излечения того поражения органов голоса и дыхания, которым я с некоторого времени одержим, необходимо, чтобы уменьшил, на продолжительное время, количество моих занятий по преподаванию. Это за-

ставляет меня обратиться с просьбой об увольнении от вверенного мне при Академии преподавания» [Там же, лист 10].

Но болезнь зашла уже слишком далеко, и ничто не могло спасти Лясковского. В 1871 г. его не стало. В некрологе, напечатанном в университетском отчете, были такие слова: «Николай Эрастович выступил на ученое поприще в сороковых годах. Первые труды его, относящиеся ко времени бытности его за границей, где молодой химик занимался под руководством знаменитого Либиха, и имевшие предметом опровержение теории протеиновых соединений Мульдера, игравшей в свое время важную роль, обратили на себя внимание ученых и дали Лясковскому имя в науке. Случай, играющий важную роль в человеческих делах, мало благоприятствовал молодому ученому по возвращении на родину, и он достиг кафедры Химии на Физико-Математическом факультете Московского университета лишь после многих лет ожидания (в 1854 г.). Покойный славился как преподаватель. Его блестящее изложение делало каждого из его слушателей его почитателем, он любил проникать в глубину теорий, останавливаться на спорных сторонах предмета и увлекал слушателей замечательно искусною диалектикой как на лекциях, так и на диспутах, где его диалектические способности обнаруживались в особом блеске. Никого не опасались так диспутанты, как покойного Николая Эрастовича; несмотря на отсутствие всякой резкости, мягкость речи, уклончивость приемов» [20, с. 181].

Как и другие российские ученые, его современники, Николай Эрастович был широко эрудированным человеком не только в области химии и вообще естественных наук, но и в гуманитарной сфере. Его коллеги отмечали: «...едва ли не самая замечательная черта в умственном образе покойного, которою отчасти объясняется самая увлекательность его изложения, состоит в том, что он соединял с глубоким специальным познанием высокое общее образование, соединение, становящееся, к сожалению, более и более редким в наше время. Он замечательно хорошо писал по латыни, и невольный досуг, причиненный последнею болезнью, наполнял и украшал чтением тех греческих поэтов, с которыми ему не удалось ознакомиться прежде» [Там же].

Лясковский печатался в «Московском врачебном журнале», «Московских ведомостях», публиковался в зарубежных изданиях.

Николай Эрастович Лясковский — типичный представитель когорты талантливых и высоконравственных ученых и педагогов, собравшихся из разных научных школ под крышей Петровской академии.

Василий Тарасович Собичевский (1838-1913) окончил Киевский университет св. Владимира, получив степень кандидата математических наук. После чего (с 1860 г.) занимался в Санкт-Петербургском лесном и межевом институте и проходил практику в Лисинском учебном лесниче-

стве. Затем продолжил образование за границей (Австрия, Германия, Франция, Швейцария), изучая там науку о лесе и организацию лесного хозяйства. В результате В.Т. Собичевский к 26 годам стал блестяще подготовленным для ведения педагогической деятельности специалистом.

В. Т. Собичевский

После года преподавания в Лесном и межевом институте он был утвержден (в 1865 г.) в профессорской должности Петровской академии. 16 лет отдал Собичевский Академии, будучи первым профессором и деканом лесного отделения, считал эти годы «лучшим, самым счастливым периодом» в жизни. В продолжении шести лет работал директором Санкт-Петербургского лесного института. Трудился вице-инспектором корпуса лесничих, являлся членом Специального лесного комитета, заведующим Лесным бюро.

«Плодотворной была педагогическая деятельность Василия Тарасовича. Он был самым молодым педагогом в Петровской академии — в 1865 г., в 27 лет В.Т. Собичевский

стал ординарным профессором Лесной таксации и лесоустройства. Как вспоминал В.И. Гомилевский (один из первых слушателей Василия Тарасовича), особенности предметов, которые он преподавал, требовали подробного математического анализа, выведения целого ряда формул, нередко трудных для восприятия, но аудитория всегда была полна. Человек, любивший природу и лес, жизнерадостный и доступный, большой эрудит, он привлекал к себе молодежь. Его квартира была открыта для всех. На экзаменах был строг, но справедлив и доброжелателен. В то время на экзамены приходило несколько человек, и беседа (билетов не было) со слушателями продолжалась 1...2 ч, что требовало очень тщательной и глубокой подготовки; Академия выпускала тогда слушателей со степенью кандидата сельского хозяйства или лесоводства — «полузнаний не допускалось — таков был взгляд всех профессоров» [13, с. 80].

В Петровской академии он преподавал Лесную таксацию и лесоустройство. Представление о том, как, в какое время и что читалось по этим дисциплинам, читатель получит из фрагмента Годичного акта Академии за 1875 г., который мы здесь приведем:

«Лесная таксация была читана профессором *В.Т. Собичевским* для двух курсов: а) III курсу, в течение обоих полугодий, изложена *I часть* этой науки или *Лесная таксация в тесном смысле* об определении массы возраста и прироста как единичных деревьев, так и целых насаждений, причем студенты предварительно познакомились с содержанием лесной науки вообще и разделением ее на части, равно с общими основаниями, которыми следует руководствоваться при приведении в известность почвенного капитала лесного имущества, составлении лесных планов, карт и описаний, а равно разделении леса в хозяйственном отношении и б) IV курсу *в осеннем семестре* была прочитана *II часть Лесной таксации или лесоустройство*: после изложения общих оснований устройства лесного хозяйства, способов решения главнейших его вопросов относительно образования хозяйственных частей, избрания рода, вида и системы хозяйства, продолжительности оборота рубки и т.п. и ознакомления с методами определения величины лесного дохода, было указано применение всего этого в частности, сообразно с различием времени и места, на практике в лесах Западной Европы, и критически, в исторической последовательности, подробно рассмотрены различные распоряжения нашего правительства и администрации, относящиеся к приведению в точную известность и к устройству казенных лесов, различных наименований; *в весеннем семестре* изложена *III часть Лесной таксации* — наука об определении стоимости лесного имущества вообще и каждой из составных частей последнего, в частности, и показано приложение основных ее положений к решению главнейших задач Лесной статистики, относительно выбора способа пользования данною почвою, системы и рода хозяйства, древесной породы, оборота рубки, способа лесовозобновления, надлежащей степени полноты насаждений и т.п., а равно к вычислению лесной подати и решению вопросов судебного Лесоводства — определению вознаграждения за различного рода повреждения, чем-либо причиненные лесному имуществу» [20, с. 18].

Очень большое значение в подготовке будущих лесничих Собичевский придавал практическим занятиям.

«Практические занятия по Лесной таксации производились: а) *в осеннем семестре* по часу в неделю и состояли в разработке материалов, собранных студентами во время летних работ, и показании им приемов для собирания статических материалов, по некоторым таксационным вопросам, требующим преимущественно комнатных занятий, и б) *в летнее vacationное время*, с 15 июня до конца августа; причем студенты познакомились: 1) *Собственно по Лесной таксации* а) с определением массы, различными способами и расценкой ее по сортаментам у единичных деревьев, срубленных и растущих, равно с употребляемыми для этой цели различного рода инструментами; б) с вычислением запаса... и прироста...;

в) с определением содержания плотной древесной массы в различных складочных мерах дров, колотых и кругляка, хвороста и пней с корнями, и г) составлением лесохозяйственных описаний, причем производились и относящиеся к этим вопросам статические исследования, насколько позволяли время и средства и 2) *по лесоустройству и определению стоимости лесного имущества* – (II и III части Лесной таксации, в обширном значении) с главнейшими действиями, при устройстве леса по различным методам, составлением плана хозяйства и вычислением величины дохода по методам лесоустроительным или органическим, насколько это возможно в академической лесной даче, где недостаток насаждений средних и старших возрастов, в особенности полных и нормального роста, делают невозможными те исследования, на основании которых только и могут быть решаемы, вполне научно, главнейшие вопросы вводимого при устройстве лесного хозяйства: выбор древесной породы, рода хозяйства, продолжительности оборота рубки, способа лесовозобновления и т.п. Чтобы пополнить такой недостаток практических занятий в Петровской лесной даче, остается одно рациональное средство познакомить студентов с устройством других лесных дач, находящихся в более благоприятных условиях» [Там же, с. 19].

И Собичевский организовывал экскурсии обучающихся на другие дачи, в частности, на Лосиный Погонный остров, а также в другие лесные угодья Московской и близлежащих губерний.

«Летние практические занятия по Лесной таксации в Петровской даче были распределены следующим образом: три раза в неделю, с 10 до 2-3 часов, студенты занимались в лесу таксационными вычислениями, статическими исследованиями и описанием леса под руководством профессора, в остальные же дни, в часы наиболее удобные для каждого из них, они выполняли под наблюдением и указанием ассистента при кафедрах лесных наук... назначаемые им работы, письменное изложение которых и служило основанием для постановки окончательной им отметки по этому предмету» [Там же, с. 20].

В Петровской академии Собичевский заложил большие площади хвойных и лиственных деревьев различных пород, которые и по сей день являются предметом изучения, служат памятником большому подвижнику лесного дела.

Научная деятельность Собичевского не носила абстрактного характера, прямым образом служила преумножению лесного богатства и наиболее рациональному его использованию. Об этом свидетельствуют его труды, представляющие собой доклады, сделанные на съездах лесных и сельских хозяев, заседаниях обществ, выставках и т.д., и публикации в разного рода специальных и общенаучных изданиях. Скажем лишь о некоторых из них.

Уже в одной из первых работ он делает разбор подходов немецких ученых к определению запасов древесины. «Его вывод о том, что способ Драута... дает наиболее достоверные результаты и обходится дешевле по сравнению с другими, не потерял своего значения до настоящего времени» [Там же, с. 75].

Выступая на третьем съезде русских сельских хозяев (Киев — 1872 г.), ученый сделал доклад «О возвращении дубовых низкоствольников с целью получения дубла для выделки кожи», что имело большое народно-хозяйственное значение. То же самое можно сказать о его публикациях: «Материалы для лесной статики — значение подсосочки хвойных деревьев в лесном хозяйстве»; «Опыт разработки некоторых вопросов по лесной таксации»; «Об отношении правительства к лесам общин и частным на Западе Европы»; «О значении в лесном хозяйстве успехов акклиматизации древесных и кустарниковых пород»; «Материалы к вопросу об устройстве и ведении хозяйства в лесных дачах, охраняющих верховья и источники рек и их притоки»; «Статистика передвижения лесных продуктов»; «Современное состояние растительной патологии лесных деревьев и значение растительных паразитов-грибков при возвращении леса»; «О разделении леса в хозяйственном отношении»; «О лесной торговле России с Германией за последние годы»; «Соединенные Северо-Американские Штаты в лесохозяйственном отношении»; «Материалы для исторически-критического обозрения методов оценки лесного имущества при земском обложении» и др.

В его публикациях и докладах всегда присутствовали страстность, ярко выраженная гражданская позиция, стремление защищать интересы России, российские леса от алчных лесовладельцев и лесопользователей, и от бездумных или продажных чиновников.

Несмотря ни на что, он часто добивался поставленных перед собой целей.

В.Т. Собичевский постоянно участвовал в съездах лесных хозяев и на многих из них председательствовал. Выступал, о чем уже говорилось, и на съездах сельских хозяев. Долгое время был председателем лесного общества в Санкт-Петербурге.

Свои идеи и практические рекомендации он широко распространил, сотрудничая во многих изданиях. Редактировал «Известия Петровской академии»; писал статьи по лесному хозяйству в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, готовил материалы для «Лесного календаря», печатался в «Трудах Императорского Московского общества сельского хозяйства», в «Известиях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», в «Ежегоднике Санкт-Петербургского лесного института», в «Лесном журнале» и др.

Целям преумножения лесных богатств России, бережного отношения к лесу и воспитания населения в соответствующем духе служили выставочная деятельность Собичевского, его активное сотрудничество с музеями. В 1873 г. он был избран пожизненным директором организованного им лесного отдела в Московском политехническом музее.

Таким образом, Василий Тарасович Собичевский служил лесному делу в качестве педагога, ученого, писателя, государственного чиновника. И много преуспел, оставив по себе добрую память, показав пример выполнения гражданского и профессионального долга.

«В 1870 г. на заседании лесной секции II съезда сельских хозяев в Москве Василий Тарасович в одном из докладов поднял вопрос о регламентации частного лесовладения. Ученый выступил против хищнического пользования лесами, «наносающего огромный урон экономике страны и климатическому состоянию значительных регионов». Этот протест сыграл в последующем большую роль при издании Лесоохранительного закона 1888 г.

В своей речи «Задача лесоводства и средства для ее решения» на годовичном акте Петровской академии (29 июня 1871 г.) В.Т. Собичевский подчеркивал, что основная задача лесоводства — постоянное, разумное, без ущерба для леса, выгодное пользование древесиной. Она может быть решена только при взаимных действиях природы, труда и человека. Необходимо изучать эти силы. Особенностью лесного хозяйства является длительное время, необходимое для выращивания и последующего получения продуктов леса. В связи с этим требуется участие многих поколений лесоводов, которые проводили бы по определенной системе и заранее разработанному плану различные опыты по статистической обработке получаемых материалов, передавая результаты наблюдений друг другу. Для этого необходима организация постоянных опытных лесоводственных и метеорологических станций. Одной из таких станций стала Лесная опытная дача Петровской, а затем Тимирязевской академии» [13, с. 75].

Ученый стремился к тому, чтобы леса возрождались там, где они когда-то были, а потом исчезли, и где их никогда не было, к озеленению российских сел и городов. И он старался перенести на родину имевшийся на сей счет зарубежный опыт.

«Василий Тарасович был страстным поборником проведения в России праздников древонасаждения. В США праздник посадки деревьев (Arbor day) давно стал обычным, его проводили ежегодно во вторую среду апреля во всех американских школах, и большинство жителей воспринимало его как народный. Подобные праздники были и в России. В одном из них в г. Сестрорецке В.Т. Собичевский принимал участие будучи

председателем Лесного общества. Он считал, что такого рода праздники имеют огромное значение для воспитания людей в духе доброго, уважительного отношения к лесу как другу и помощнику в борьбе со всякими жизненными невзгодами и трудностями. Как же уместно такое отношение к лесу в наше тяжелое время!» [Там же, с. 79].

Евгений Матвеевич Соколовский (1823-1896) был первым профессором сельского строительного и инженерного искусства, проработавшим в Академии со дня ее открытия по октябрь 1869 г. Он ушел в связи с выслугой 25 лет и получением пенсии. После чего был причислен к корпусу лесничих.

В большинстве своем профессора Петровской академии в организации учебного процесса начинали все с чистого листа, не будучи обремененными правилами и традициями, которые могли оказаться противоречащими их собственным представлениям. Как говорил поэт более позднего времени — «твори, выдумывай, пробуй». Каждый по своему управлению определялся, что и когда читать, выходил с предложением на Совет, где окончательно все и решалось. Что касается строительного искусства, то Соколовский предложил изучать его в течение всех трех лет. Один год — давать общий курс, два последующих — изучать всевозможные приложения по строительству.

Впрочем соблюсти порядок оказывалось сложным по целому ряду причин. Назовем темы, по которым читались лекции слушателям в первые пятилетия работы Академии: «части зданий: стены, карнизы, подпоры, арки и ворота; отопление и вентиляция зданий; службы и сельскохозяйственные постройки; строительные материалы; проектирование и производство работ земляных, каменных, фашинных, плотничных, малярных и металлических; грунты и основания зданий, укрепление слабых грунтов, осушение грунтов и почвы: дренаж и водостоки; осушение болот и озер; орошение почвы: цель, различные способы и источники орошения; водохранилища, водопроводы и водоразделители; дороги, мосты, переправы, плотины и водоснабжения» [18, с. 15].

Е. М. Соколовский

Что касается практических занятий по строительному делу, то они проводились на многочисленных стройках в Академии, а также на реконструкции и ремонте ее зданий и сооружений.

Стараниями прежде всего Соколовского был создан богатый кабинет строительного искусства, оказывавший большую помощь в преподавании. В кабинете имелось [Там же, с. 16]:

моделей различных построек	27
образцов строительных материалов	301
строительных инструментов и орудий	104
приборов и различных украшений	105
принадлежностей сельскохозяйственных построек (ясель, кормушек и т.п.)	9
различных изделий и работ	437
чертежей	32
чертежных инструментов и принадлежностей	84
измерительных приборов	9

Надо отметить вот какую деталь. Очевидно, в связи с тем, что не было обязательности посещения лекций и сдачи экзаменов слушателями, руководство Академии позволяло себе вольность — не вести преподавание по отдельным дисциплинам в течение длительного времени из-за отсутствия профессоров. «Строительное искусство излагалось профессором Соколовским только в весеннем семестре 1869 г., в осеннем же, за выбытием его, лекций строительного искусства вовсе не было» [Там же, с. 15]. Случалось такое и по другим наукам. В том же году «ботаника и физиология растений не были читаны... потому что кафедра оставалась незамещенной; с января месяца на эту кафедру определен г. Тимирязев, и чтения начнутся с сентября месяца текущего года» [Там же, с. 27].

Помимо преподавания строительного и инженерного искусства, Соколовский вел строительство в Академии в полном его комплексе, начиная с разработки проектов зданий и сооружений, составления смет и кончая организацией строительных работ, наблюдением за их ходом. Кроме того, все хозяйственные поделки, включая изготовление для учебных кабинетов всевозможных стендов, шкафов, столов и т.д., выполнялись при участии Соколовского. Без его подписи на акте оплата за работу не производилась. Всем этим Соколовский весьма тяготился, поскольку отвлекался от выполнения главного профессорского предназначения — преподавания строительного искусства. В конце концов, как отмечалось на заседании Совета 7 октября 1867 г., «профессор Е.М. Соколовский вошел в Совет Академии с рапортом, в котором просит сложить с него обязанности производителя работ по постройкам, возводимым Академией, и по ремонтным исправлениям в зданиях Академии, так как Уставом

Академии... на профессора Строительного искусства возложена лишь одна обязанность — составлять сметы и проекты, а не производить работы. Профессор Соколовский объясняет, что наблюдение за производством работ по строительной части отнимает у него весьма много времени, так что одновременное исполнение и этих обязанностей и прямых обязанностей его как профессора становится для него в высшей степени обременительным» [37, с. 84].

Решением этого вопроса занялся хозяйственный комитет, который, «по обсуждении пришел к следующим заключениям: 1) Профессора Строительного искусства освободить от обязанности быть производителем строительных работ, оставив на нем обязанность составлять по поручениям Хозяйственного комитета проекты и сметы; 2) возложить обязанность строителя на особое лицо, которое должно иметь указанное свидетельство на право производить строительные работы; 3) лицо это подчиняется непосредственно Хозяйственному комитету и им избирается; 4) лицо это обязано помогать профессору в составлении проектов и смет, которые представляются Хозяйственному комитету за общим их подписанием и притом с заявлением этого лица, что по составленным проектам и сметам оно в состоянии исполнить постройки; 5) ответственность за надлежащее исполнение строительных работ в техническом и экономическом отношении и представление отчетов по окончании работ лежит прямо на этом лице; 6) представлением проектов и смет, как изложено в пункте 4, оканчивается деятельность профессора Строительного искусства по отношению к постройкам» [Там же, с. 92].

Узнав об этом решении Хозяйственного комитета, профессор Соколовский высказал мнение, что на такое лицо, сверх его обязанностей по производству строительных работ, может быть возложена обязанность ассистента по Строительному искусству, и в таком случае можно будет часть вознаграждения отнести на ассистентскую сумму. Прочие члены Хозяйственного комитета выразили мнение, что за освобождением профессора Соколовского от обязанностей производителя строительных работ, было бы излишне назначать ассистента по Строительному Искусству» [Там же, с. 93].

То ли благодаря специфике предмета, который преподавал Соколовский, то ли в силу его личных качеств, или того и другого вместе, он чаще других оказывался вовлеченным в дела общеакадемические.

Два руководящих коллегиальных органа было в Академии. Совет, в который входили все профессора как ординарные, так и экстраординарные и Хозяйственный комитет, состоявший на конец 1865 г. из четырех человек, избираемых Советом. Членом Совета Соколовский был по должности, а в Хозяйственный комитет в 1865 г. избран большинством

голосов наряду с Ильенковым и Делла-Воссом (четвертым членом комитета состоял директор Железнов).

Отметим для сведения, что такие уважаемые профессора, как Стебут и Ауэрбах, не набравшие большинства голосов, являлись кандидатами в члены Хозяйственного комитета.

В числе шести профессоров он был избран в состав комиссии для принятия экзаменов у слушателей-стипендиатов, обучавшихся за государственный счет.

Даже для такой простой бытовой вещи – старшины по наблюдению за порядком в столовой – опять же большинством голосов были избраны Соколовский и управляющий фермой Барановский.

В общем представляется весьма значительной роль Евгения Матвеевича Соколовского в делах Академии первого периода ее жизни.

А. П. Степанов

Алексей Прокофьевич Степанов (1831-1868) с открытия Петровской академии возглавлял в ней кафедру ветеринарии. Образование получил в Харьковском ветеринарном училище, где и остался работать – вначале в должности ассистента, а потом, после защиты магистерской диссертации (1859), адъюнктом.

Вследствие низкого уровня постановки ветеринарного дела в России часто случались эпидемии, охватывавшие целые регионы и сопровождавшиеся гибелью большого количества скота. Степанов в силу высококоразвитого гражданского и профессионального долга и научного интереса принимал активное участие в борьбе с массовыми заболеваниями скота. В 1856 г. он в Ахтырском и Сумском уездах боролся с чумой, а в 1859 г. ис-

следовал причины повального бешенства крупного рогатого скота и разрабатывал методику его лечения, занимался противочумными прививками в Волганском уезде. В 1864 г. исследовал пораженный чумой скот в Санкт-Петербургской и Московской губерниях, используя новые подходы в лечении животных. Осенью того же года Степанов привлекается к борьбе с неизвестной эпидемией овец в Харьковской губернии, оказавшейся скоротечным тифом.

Участие в изучении причины и ликвидации столь часто случающихся эпизоотий способствовало накоплению высокого профессионализма, формированию широкого кругозора ученого.

В начале 1860-х годов Степанов объехал все казенные конские заводы России, а также многие частные. Съездил в научную командировку в Германию и Францию. В 1864 г. стал профессором в Харьковском ветеринарном училище, где читал лекции по целому спектру наук — скотоводству, зооигиене, экстерьеру, ветеринарной полиции, судебной ветеринарии. В июне 1865 г. Степанов был утвержден ординарным профессором на кафедре Ветеринарных наук Петровской академии. Факт его перехода говорит, с одной стороны, о большом престиже Академии и желании ученых в ней работать, с другой — о способности руководителей Министерства государственных имуществ отбирать в учебных заведениях Империи наиболее талантливых и подготовленных ученых для ведения преподавательской и научной работы.

Мы часто говорим о высокой нравственности первых профессоров Петровской академии. Увы, в наше время это не всегда так — часто в иерархии человеческих ценностей она уступает место иным, меркантильным категориям. И нам дорог опыт почти стопятидесятилетней давности как пример, ориентир для подражания.

Мы часто являемся свидетелями ситуаций, когда человек хватается за любое предложение, обещающее карьеру, увеличение достатка, повышение общественного положения, сам доискивается высоких должностей, при этом не отягощая себя сомнениями — а справится ли он с новым делом.

Для чего делается это отступление в контексте рассказа о профессоре Степанове? Приведем один пример, связанный с его назначением на профессорскую должность в Петровской академии.

Получив предложение занять высокооплачиваемую и престижную должность, он не сразу согласился, поскольку сомневался — оправдает ли возлагаемые на него надежды. Он писал Железнову (6 июля 1865 г.): «...передал мне желание Ваше знать, приму ли я на себя преподавание Сравнительной физиологии... я согласился преподавать кафедрально только Эпизоологию с Ветеринарной полицией и Экстерьер — со всеми остальными предметами Ветеринарии я обещал ознакомить студентов не иначе как только путем практическим.

Физиология в последнее время сделала громадные успехи, а я ею специально не занимался; следовательно, и не позволю себе взять на себя непосильный труд...

...я не имею никаких сведений по моему делу, хотя и желал бы поскорее знать развязку» [137, листы 94-95].

Но, несмотря на все сомнения, он стал профессором Академии. Будучи сам хорошим практиком, Степанов уделял большое внимание практической подготовке слушателей. Особенно стремился научить их лечить животных.

В журналах заседаний Совета мы читаем: «Профессор Степанов прочел записку, в которой изложил взгляд на преподавание ветеринарных наук. По мнению А.П., чтение Энциклопедии, не приведшей ни к каким результатам в Горыгорецком институте, не может быть повторено в Академии. Так как все предварительные познания из Физиологии животных, медицинской Ботаники, фармацевтической Химии, Зоотехнии, предполагаются известными, то курс Ветеринарии полезнее всего ограничить чтением Экстерьера, повальных болезней и Ветеринарной полиции. Упражнения же в лечении большей части обыкновенных болезней всего удобнее делать в амбулаторной клинике. Так как без помощи практических занятий нет возможности изучать ветеринарную медицину, то А.П. предложил устроить клинику на одном из оброчных участков» [36, с. 11].

Как видим, Степанов оставался верным себе, возводя в главный приоритет выработку у слушателей практических навыков в обращении с животными.

Конечно, можно говорить о наивности Степанова, полагавшего, что поступающие в Академию располагали «предварительными познаниями из физиологии животных», коль скоро туда принимались без экзаменов и без наличия документов о среднем образовании.

Однако устроить клинику в Академии при кафедре «Ветеринарных наук» у Степанова не получилось. Поэтому он проводил практические занятия на академической ферме, организовывал посещения слушателями городского скотопригонного двора, конных заводов, отдельных хозяйств.

На примере Степанова видно, как часто преподаватели учебных заведений привлекались к выполнению важных государственных, общественно значимых дел. Например, к участию в ликвидации эпизоотий, в организации Всероссийской сельскохозяйственной выставки, где он работал в качестве эксперта, выступил с докладом «Об улучшении пород рогатого скота и лошадей». Степанов сотрудничал со многими периодическими изданиями, публиковал научные материалы в Трудах ВЭО,

«Земледельческой газете», журнале Министерства народного просвещения, «Харьковских губернских новостях».

Немного прожил Алексей Прокофьевич Степанов, но оставил по себе добрую память как ученый, ветеринар, общественный деятель, педагог. Из его творческого наследия назовем следующие работы: «Современный вопрос ветеринарии (собственный опыт чумопрививания)», «Отчет о путешествии в России и за границей с ученой целью», «О кровопускании из передних конечностей у лошадей» (диссертация на степень магистра Ветеринарных наук), «О происхождении полов», «Курс общей зоологии», «Экстерьер домашних животных» и др.

Яков Яковлевич Цветков (1839-1907) после окончания Московского университета служил в Павловском кадетском корпусе. В Петровской академии стал профессором физики. Помимо физики, им же читались метеорология и климатология. Набор тем, читаемых Цветковым, выглядит вполне современно: механика тел твердых, жидких и газообразных; электричество, включая магнетизм и гальванизм; теплота, звук, свет. Разумеется, трактовка этих понятий была иной.

Помимо лекций, материал закреплялся через решение задач и проведение опытов, которые, судя по всему, носили общий характер: «Производившиеся во время лекций опыты большею частию утверждали существование явления, но не измеряли его в то же время, потому что почти все опыты, имеющие в виду измерить явление, требуют довольно продолжительного времени для своего производства и потому едва ли могут считаться демонстративными» [18, с. 26].

Впрочем, возможно, по понятиям того времени требовать большего от преподавателя физики было неверно. Дело, очевидно, было не только в необходимости времени на это, но и в отсутствии нужных приборов. В Годичном акте, на который мы ссылаемся, говорится о метеорологических наблюдениях, к которым привлекались слушатели в летнее время. (Не очень понятно, почему только в летнее?) Замерялись атмосферное

Я. Я. Цветков

давление, температура, влажность воздуха, количество осадков, оценивалось состояние неба по облакам.

Если о качестве приборов, которыми был оснащен кабинет физики, об уровне их технического совершенства судить трудно, то о количестве мы имеем представление. В 1870 г. в нем было приборов [18, с. 27]:

по отделу о свете	82
о звуке	31
о теплоте	61
об электричестве	102
о газах	35
о жидкостях	30
о твердых телах	8
о волосности	10
приборов для измерений	28
« для подготовки опытов	45
книг	5

В рассказах об отдельных профессорах мы говорим на их примерах о тех или иных условиях, в которых они работали, типичных для Академии в целом. В данном контексте скажем о том, что профессора располагали средствами, необходимыми для обеспечения учебного процесса. 15 июля 1869 г. Цветков обратился к Совету с заявлением о выделении средств для найма помощника в физкабинет на время, пока не будет подобран ассистент взамен уволившегося. Профессор Цветков просит: «...употреблять ежемесячно, до приискания ассистента, шестидесяти рублей, из сумм на препараторов и ассистентов по штату назначенной тому лицу или тем лицам, которые будут помогать мне при производстве демонстрационных опытов и по другим необходимым им полезным для физического кабинета занятиям» [136, лист 1].

Но порядок был таким, что ни Совет, ни директор Академии не могли самостоятельно распоряжаться даже такими незначительными суммами, если они не предусматривались в годовых бюджетах учебного заведения.

Исполняющий обязанности директора Академии по заявлению профессора Цветкова обратился в Департамент Министерства Госимущества. Отсюда, в свою очередь, запросили сведения о расходах по этой статье. Оказалось, что из 6 тыс. руб., предназначенных для содержания препараторов и ассистентов, на 1 августа 1869 г. было израсходовано 2876 р. 90 к., до конца года предполагалось израсходовать, включая названную сумму, 4939 р. 40 к. Таким образом, экономия получалась 1061 р.

60 к. [Там же, лист 5]. Не были израсходованы средства и по кабинету физики. Получив эти данные, Департамент сельского хозяйства разрешил профессору Цветкову употреблять по 60 руб. в месяц для обеспечения проведения опытов по физике.

Из переписки по этому вопросу мы узнаем, что в качестве помощников (ассистентов) привлекались слушатели, так сказать, по совместительству. В письме Хозяйственному комитету Цветков просит выдать стипендиату лесного ведомства Хорольскому «за помощь, оказанную им в течение сентября месяца 1869 г. при производстве демонстративных опытов на лекциях физики двадцати пяти рублей».

Можно, конечно, говорить о волоките в получении разрешения на расходование средств (согласование с Департаментом), но это не отменяет главного — у профессоров были возможности оплачивать свои потребности для обеспечения занятий. Это касается и оплаты производства всевозможных стендов, столов, приборов и т.д. В архивах имеется множество рапортов профессоров в адрес Хозяйственного комитета с просьбами об оплате тех или иных поделок и приобретений.

Цветков, как и большинство его коллег, собравшихся в Петровской академии, представлял собой тип ученого-энциклопедиста, располагавшего обширными познаниями не только в предмете своего преподавания, но и в смежных и отдаленных областях. На Годичном акте Петровской академии 21 ноября 1875 г. Цветков выступил с научным докладом: «О связи между явлениями развития годовой жизни растения и потребным для этих явлений количеством теплоты». То, что физик выбирает тему, подходящую более ботанику или агроному, уже говорит о разносторонности его научных интересов. А теперь по существу выступления. Нынешнему читателю, особенно специалисту, с высоты современных знаний многое из доложенного тогда профессором Цветковым покажется наивным. Многие, но не все.

Одному из авторов настоящей книги пришлось оппонировать тогдашнему губернатору Кубани Н. Кондратенко и писателю А.П. Паршеву в связи с их утверждениями о необратимой обреченности России отставать от развитых стран в сельскохозяйственном отношении из-за более низкого биоклиматического потенциала и, прежде всего, из-за малых суммарных температур [52, с. 125-127]. Приходилось доказывать, что при определенных условиях и на северных широтах могут хорошо развиваться растения, обеспечивая высокие урожаи.

Чтобы рассеять недоумение читателя — причем здесь, собственно говоря, профессор Цветков, живший почти полтора столетия назад, если

речь идет о современных спорах ученых и политиков, приведем фрагмент из речи профессора Петровской академии, произнесенной в 1875 г.:

«Давно уже было замечено, что растения развиваются в течение годового круговорота своей жизни гораздо быстрее в тех странах, где теплое время года непродолжительно, чем там, где высокая температура существует в течение более значительного времени. Доказательством этого может служить приведенный в начале сравнительный пример развития растений в Брюсселе и в Воронежской губернии. Припомним еще и то, что замечено было уже и в прошлом столетии известным ученым, путешественником по Сибири Гmeliном; удивляясь быстроте пробуждения природы весною в Якутске, он говорил: в Якутске можно, пожалуй, видеть, как растет трава, т.е. самый процесс ее роста; на глазах наблюдателя она становится больше и больше. Одна из причин такого обстоятельства очевидна: в странах с коротким летом температура возрастает весьма быстро, и растение столь же быстро получает теплоту, необходимую для своего развития, а потому и совершает его гораздо скорее, чем растение того же вида, произрастающее в более южной стране и не столь быстро получающее потребную для своего развития теплоту, так как температура там повышается гораздо медленнее. Высказанное выше предположение Линссера указывает еще на другую причину более скорого развития растений на севере: они требуют там для этой цели менее теплоты, чем на юге, привыкнув достигать, например, до эпохи цветения при помощи такой же доли всей доставляемой им небольшой суммы теплоты, какую требуют для этого южнее находящиеся растения от той более значительной суммы теплоты, которая предоставляется в их распоряжение в более продолжительное на их родине теплое время года» [121, с. 11].

Цветков представляется человеком с высоко развитым чувством собственного достоинства, во многом необычным для того времени, девизом которого являлось «служение делу, а не лицам». Он вел себя независимо в присутствии персон, облеченных высокими властными привилегиями, даже вызываясь, не опасаясь за возможные последствия. О чем хорошо рассказал В.Г. Короленко: «Яков Яковлевич Цветков был человек чрезвычайно оригинальный. Одновременно с профессорством в академии он исполнял обязанности тьютора катконского лицея и на лекции в академии (за десять верст) ходил всегда пешком, невзирая на погоду. В записках какого-то туриста, напечатанных со временем в «Неделе», была отмечена встреча с Цветковым за границей. Там он тоже путешествовал пешком и также у него были загрязнены и обтерханы нижние края брюк. Его считали страшно скупым, но когда он умер, то узнали, что свои средства

он расходовал на стипендии. Так вот, на экзамене этого оригинала, Валуев (председатель Совета Министров. — *Авт.*) вдруг предложил студенту какой-то вопрос. Студент молчит. Валуев предлагает тот же вопрос в новой форме. То же недоуменное молчание. Министр поворачивается к профессору с видимым ожиданием, что тот какими-нибудь наводящими вопросами выведет студента из затруднения. Но птичья физиономия Цветкова с длинным носом, напоминая несколько профиль молодой галки, на которую бы надели очки, сохраняет бесстрастное молчание. Положение становится неловким.

— Студентам это неизвестно? — произносит наконец министр, глядя в упор на Цветкова.

Тот пожимает плечами и говорит бесцеремонно:

— Мне тоже неизвестно. Если известно вашему превосходительству, — просим...

Министр, не считая нужным скрывать обиду, поднялся и вышел из аудитории» [61, т. 11, с. 235].

Несмотря на некоторую эксцентричность, Цветков пользовался глубоким уважением среди коллег, да и в правительственных сферах. Чем и объясняется факт назначения его исполняющим обязанности директора Петровской академии в 1869 г.

Митрофан Павлович Щепкин (1832-1908) родился и воспитывался в высокоинтеллектуальной семье, давшей России крупных ученых, государственных и общественных деятелей, писателей, публицистов.

Отец — Павел Степанович, профессор математики Московского университета, один из основателей математического общества в России. Брат Сергей — писатель, редактор «Земледельческой газеты» и «Сельского листка», инициатор и участник издания «Сельской библиотеки». Печатался в трудах ВЭО. Кроме того, служил вице-директором департамента сельского хозяйства. Брат Николай принимал активное участие в трудах редакционных комиссий, готовивших реформу 1861 г., работал главным тюремным инспектором, был Уфимским губернатором.

М. П. Щепкин

Митрофан являлся младшим из братьев и, естественно, испытывал на себе благотворное влияние старших. Обучался на историко-филологическом факультете Московского университета. При жизни был признан «выдающимся деятелем московского городского общественного управления» [144, полутом 79, с. 61]. Редактировал «Московские ведомости», основал газету «Русская летопись», редактировал «Библиотеку экономистов», печатался в «Русском вестнике», «Петербургских ведомостях», «Русских ведомостях». Из его сочинений наиболее значительны — четырехтомное «Общественное хозяйство города Москвы», «Сословное хозяйство московского купечества», «Наши акционерные порядки».

В 1865 г. М.П. Щепкин был избран профессором кафедры политэкономии Петровской академии.

«Политическая экономия излагалась профессором Щепкиным согласно с программой, утвержденной Советом Академии в двух частях: исторической и теоретической. При этом профессор старался наиболее о том, чтобы излагать общие научные начала применительно к сельскохозяйственному промыслу, а потому по возможности, но без нарушения общего строя науки, сокращал те части курса, которые не имеют непосредственно ближайшего применения к сельскому хозяйству и взамен того посвящал больше внимания таким вопросам, как поземельное устройство, частное и общинное владение землею, рента и отношение ее к другим отраслям народного дохода, поземельный кредит, выкуп крестьянских повинностей и т.п.» [18, с. 16].

Если в целом посещаемость занятий слушателями Академии была невысокой, то тем более это имело отношение к лекциям по политической экономии, представлявшейся большинству из них абстрактной, схоластической наукой с сомнительной полезностью. Впрочем, это имело отношение не только к Петровской академии, но и к другим высшим учебным заведениям России. Причины тому — низкий уровень развития производительных сил страны (отсюда — отсутствие в обществе потребностей в знании законов экономического и общественного развития), дефицит добротной литературы по политической экономии на русском языке. Тем более — учебников. Щепкин сделал небезуспешную попытку заполнить этот вакуум, выполнив большой труд по переводу сочинений известного немецкого экономиста, бывшего профессора Геттингенского и Лейпцигского университетов, одного из родоначальников исторической школы в политэкономии Вильгельма-Георга-Фридриха Рошера. Тем са-

мым Щепкин сослужил службу не только Петровской академии, но и вообще российской экономической науке.

Высоко отзывался о трудах Рошера преемник Щепкина на академическом поприще профессор Людоговский, широко использовавший работы немецкого ученого в своем фундаментальном труде «Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства» (СПб., 1875). Эта книга адресовалась как сельским хозяевам, так и студентам вузов. Мы приведем некоторые высказывания Рошера, на которые ссылается Людоговский в своем сочинении. В частности, критикуя сельских хозяев за недооценку роли счетоводства и экономического анализа, он приводит слова знаменитого немца: «Ведение хорошего счетоводства... способно произвести такой же прогресс в практической области сельского хозяйства, как если бы все хозяева, через изучение химии и физиологии, достигли полного понимания технической стороны своего производства». Что можно сказать на это? Слова Рошера остаются актуальными и в наше время. Приведем еще один взгляд выдающегося немца, имеющий отношение к спору, который и сегодня ведется учеными, политиками и занятыми в управлении сельским хозяйством. К спору о том, какое хозяйство лучше — крупное или мелкое. «...В отношении непосредственной и чисто материальной производительности крупные и мелкие хозяева могли бы отлично дополнять друг друга, налегая каждый преимущественно на те отрасли занятий, к которым он наиболее способен: крупные — на скотоводство, особенно овцеводство и коннозаводство, технические производства, лесоводство, мелкие — на разведение фруктовых деревьев, овощей, торговых растений, птицеводство и пр.

Таким образом, сельскохозяйственная производительность стала бы самую многостороннюю, распределение продуктов — самым дешевым и обеспеченность народного пропитания достигла бы высшей степени».

Отдавая должное немецкому ученому за столь взвешенный и, на наш взгляд, совершенно правильный подход к диалектике отношений между крупным и мелким в сельском хозяйстве, мы должны отметить проницательность российских экономистов, профессоров Петровской академии — Щепкина и Людоговского, увидевших это и приложивших труд, чтобы ознакомить соотечественников с идеями Рошера через перевод, издание и популяризацию его идей.

А теперь вернемся к Щепкину, профессору Петровской академии. При преподавании курса Политической экономии «руководством для

слушателей служили главным образом: изданный профессором Щепкиным в прошлом году перевод сочинений Рошера: «Начала науки о народном хозяйстве в применении к земледелию», а также первый том того же сочинения г. Бабета...» [18, с. 17]. Изучал Щепкин со слушателями и Адама Смита.

Но проблемы в изучении политической экономии оставались. Главное, как уже отмечалось, сомнительность в сознании слушателей ее полезности.

«...одно из самых существенных затруднений, встречающихся при преподавании политической экономии, состоит в том, что слушатели не дают ей должного внимания; Сельскохозяйственная экономия до сих пор не преподавалась, а потому слушатели не были в состоянии оценить важности экономических начал для непосредственного применения их в сельскохозяйственной практике...».

Видя нежелание слушателей заниматься политической экономией (число их на лекциях не превышало 15–20 человек), а у многих — наличие проблем с пониманием столь необычного, а потому трудного материала, Щепкин организовывал дополнительные занятия.

На одном из Советов академии «профессор Щепкин заявил, что ввиду недостаточной исторической подготовки слушателей к успешному занятию политической экономией и происходящей отсюда трудности усвоения ими лекций по этому предмету, он предполагает, по соглашению со слушателями, устроить до наступления летней вакансии несколько частных *конверсаторий*, сверх положенных по расписанию лекций как для повторения пройденного, так и для объяснения некоторых частей курса, непонятых или дурно понятых слушателями» [38, с. 31-32].

Конечно, члены Совета поддержали своего коллегу, решившегося на дополнительные занятия со слушателями. Но благородный порыв ученого не привел к улучшению усвоения политэкономии слушателями. «К сожалению, эти репетиции, происходившие сначала еженедельно по два часа, не имели желанного успеха главным образом потому, что лишь весьма немногие из слушателей соглашались приготовляться к репетициям дома и устно или письменно излагать очередные вопросы. Вследствие этого репетиции прекратились сами собою, принеся пользу лишь немногим, повторившим под руководством профессора небольшую долю исторической части курса» [Там же, с. 16].

Щепкин проработал в Академии до 1871 г. Причиной ухода оказались не трудности в преподавании политической экономии, а обстоятельства совсем иного свойства.

Главным стала резко негативная официальная реакция на опубликованный в газете «Русская летопись» (редактором которой являлся Щепкин) некролог о смерти Герцена: «Министерству государственных имуществ показались оскорбительными для людей, любящих Родину, жалкие строки этой статейки, которые признавали за Герценом горячую любовь к Родине» [75, с. 193].

Митрофан Щепкин, человек высочайшей нравственности, не мог согласиться с подобными оценками.

